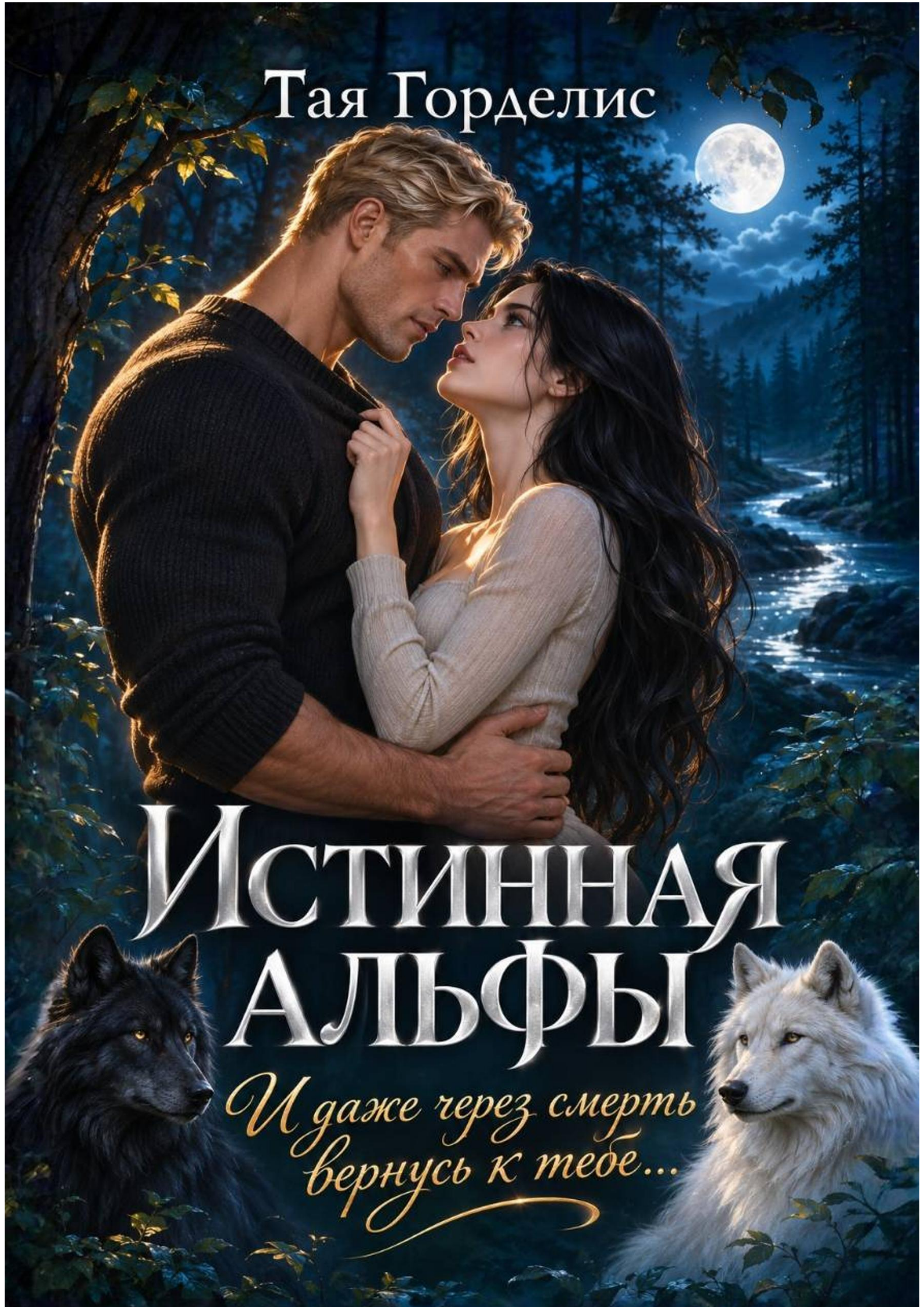

Тая Горделис
Истинная альфы
И даже через смерть вернусь к тебе...

Тая Горделис

Истинная альфы. И даже через смерть вернусь к тебе

«Автор»
2026

Горделис Т.

Истинная альфы. И даже через смерть вернусь к тебе /
Т. Горделис — «Автор», 2026

— Скажи, что это ошибка!— Метки не ошибаются, Лаира.— Тогда помоги мне от неё избавиться!Мой волк выбрал того, кого мне запрещено любить. Белого альфу. Мужчину, чья стая никогда не примет чёрную волчицу, даже если на её коже горит метка истинности.Я должна держаться от него подальше. Он должен отпустить меня ради своих волков. Мы оба это знаем — и всё равно возвращаемся к реке, разделяющей наши земли.С каждой встречей мне всё труднее просить его уйти. С каждым поцелуем ему всё труднее меня отпускать. А слухи уже ползут по стаям, и скоро нам придётся ответить за то, что мы посмели выбрать друг друга.Только почему во сне я уже знаю, как больно его потерять?

© Горделис Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 24
Глава 5 32
Глава 6 40
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Тая Горделис
Истинная альфы. И даже через смерть вернусь к тебе

Глава 1

Белая волчица стояла на мелководье. Сверху, от деревьев, её звали свои, и при каждом оклике она поворачивала ухо туда, где по склону спускались двое. Дэйнар видел, как между стволами мелькают белые спины. Ещё немного, и они доберутся до воды, а он стоял на открытом месте, где даже пригнуться толком было за чем.

Волчица могла уйти к ним по мелководью. Она знала дорогу и уже делала так прежде, когда вода поднималась и переходить реку ниже по течению становилось опасно. Дэйнар отступил, чтобы ей не пришлось протискиваться мимо, и приготовился смотреть, как она уйдёт. Бежать за ней на тот берег он не собирался. Сколько бы времени им ни оставалось, последнее, чего ему хотелось, — чтобы она испугалась ещё и его.

Она посмотрела туда, где хрустнула сухая ветка, и пошла к нему. Вода поднялась ей до груди, шерсть намокла, и Дэйнар шагнул навстречу, потому что на последних двух шагах под лапами начинались скользкие камни. Она выбралась сама, встряхнулась прямо у его морды и ткнулась носом ему под челюсть. Он знал, что она сделает именно так. В ту минуту, пока они стояли рядом, он знал о ней столько, сколько никогда не мог вспомнить, проснувшись. Знал, как она сердится, если её пытаются куда-то провести без её согласия, и что после долгого бега она первая ложится на землю, а если ему ещё хочется бежать, смотрит вслед, пока он сам не возвращается.

Сверху снова позвали. Волчица прижалась к нему боком, и он переставил лапу, чтобы устойчивее стоять на мокром камне. Вдвоём им следовало уйти отсюда до того, как их заметят, но Дэйнар задержался ещё на один вдох. Его истинная стояла рядом, и он мог положить морду ей на загривок. Он всякий раз хотел запомнить, чем она пахнет. Проснувшись, он сохранил только тепло её шерсти там, где она прижималась к нему.

За окном уже светлело, а по нижнему коридору кто-то шёл, тяжело налегая на одну ногу. Дэйнар различил шаги одной из женщин, державших его дом в порядке, и мужское дыхание, которое обрывалось всякий раз, когда подошва волочилась по полу. Он откинул одеяло и сел. К тому времени, когда у двери спальни постучали, он уже натягивал рубашку и чуял кровь, свежую землю и мокрое сукно.

— Дозорного привели, — сказала Элина из-за двери. — Он просит вас спуститься. Мы предложили позвать лекаря, но ему надо сперва поговорить с вами.

— Лекаря всё равно зовите. Я сейчас приду.

С вечера Дэйнар оставил распоряжение разбудить его, если кто-то задержится на верхней тропе. После дождей на склоне уже дважды осыпалась мелкая порода, и дозорные проверяли тропу при каждом обходе. Вчера все вернулись в срок, а сегодня смена должна была выйти из поселения с первыми утренними сумерками. По запаху свежего хлеба, который уже добрался до его окон, Дэйнар понял, что волки могли успеть дойти до развилки.

У широкой лестницы внизу стояли двое волков из охраны двора. Один держал дверь в малую приёмную, откуда доносились голоса, и при виде Дэйнара отступил, чтобы тот мог войти. В приёмной всегда было тепло. Отсюда зимой провожали дозоры, здесь можно было обсушиться и поесть, а если волку из дальнего поселения нужна была помощь альфы, его

сперва приводили сюда. В то утро перед высоким окном стояла скамья, которую вытащили из-под стены для раненого, да только сидеть на ней он отказывался.

Дэйнар узнал парня по голосу. Брант лишь недавно начал ходить в ночные обходы, а до этого всё лето просил поставить его на верхний склон, где ветер менялся по три раза за один подъём и молодые дозорные приносили домой самые нелепые доклады. Теперь его соломенно-русые волосы намокли до корней, и левый ботинок был расшнурован. Кто-то успел накрыть парня одеялом, но он уже сбросил его на скамью и пытался втолковать стоявшим вокруг, что ему надо обратно.

— Сядь, — велел Дэйнар. — Кто остался наверху?

Волки, до этого перебивавшие друг друга, разом дали парню ответить. Тот посмотрел Дэйнару в глаза, перенёс вес на здоровую ногу и остался стоять. От него пахло кровью, и Дэйнар видел, какого труда тому стоило не опереться на стоявший рядом стол.

— Мой напарник Марит пошёл вниз через ложбину встречать смену. Если она уже поднялась, они с ним разминутся. Мне надо вернуться, пока ещё можно зайти сверху.

— С этой ногой ты дойдёшь до ворот, и тебя принесут назад. Сядь, а наверх пойдёт кто-нибудь другой.

— Кто? Я один видел, где срезало тропу! Вы пошлёте волка привычным ходом, и он попадёт туда же, куда я.

Он и вправду попытался шагнуть к двери. Дэйнар придержал его за плечо, и Брант замер у его руки. Под пальцами у Дэйнара натянулась промокшая ткань, а волк под ней дрожал от холода и усилия, с которым держался на ногах. Можно было усадить его одним движением. Дэйнар убрал руку и присел на край скамьи сам.

— Давай с начала. Где ты почуял землю?

Парень открыл рот, ещё готовый доказывать, что может идти, и, сообразив, что его спрашивают о тропе, сел рядом. Он вытянул больную ногу и показал на ладони, где проходил поворот. Руку ему свело, и Дэйнар придержал одеяло, которым тот наконец укрыл колени.

— У кривой сосны. Я шёл волком, там всегда пахнет хвоей, даже после дождя, а тут с поворота потянуло сырой землёй. Чуйка подсказала, что что-то сдвинулось, и я свернул с тропы посмотреть сверху.

— Выше сосны есть выход на камни. Ты туда пошёл?

— Да, и оттуда увидел, где она кончилась. Снизу ещё видно край тропы, поэтому с подхода думаешь, что там можно пройти. А дальше уже пусто, до самого уступа. Я сунулся близко, камень пошёл из-под лапы, и ногу прижало.

Дэйнар знал тот поворот. Когда к нему подходили от поселения, ветер шёл вдоль склона в спину, и свежую землю волки могли учуять, уже ступив на осыпь. Ночью на обратном пути парню повезло с направлением ветра, а следующая смена поднималась как раз от домов. Двое волков шли знакомой дорогой, да ещё и ждали увидеть там своих. Дэйнар встал и позвал того, кто держал дверь.

— У нижних домов перехватишь смену. Если уже вышли, поднимайся к верхней развилке через двор пекарни, тропа там короче. Заберёшь обоих, и на склон сегодня никого не пускай.

— А Марит? Он ведь может дойти до самого уступа, если в ложбине никого не встретит.

— Он знает, что тропу срезало, и пойдёт назад по своим следам. От развилки возьмёшь с собой ещё одного волка и отправишь его в ложбину. Пусть встретит его там.

Волк вышел, и во дворе через минуту хлопнула калитка. Дозорный на скамье наклонился было за ботинком, но передумал и устроил повреждённую ногу на свёрнутом одеяле. Он ещё смотрел на дверь, и Дэйнар сел рядом с ним снова, чтобы выяснить, где провести смену до расчистки тропы. Брант знал этот участок хорошо. Пока все вокруг решали, далеко ли он сумеет

уйти на разбитой ноге, ни один не спросил, откуда он собирался подходить к обвалу. Оказалось, от подножия можно выйти к реке и обойти гору по старой дороге.

— У памятника? Там ещё ходят? — спросил Дэйнар и посмотрел на ботинок, который парень упорно держал возле себя, словно собирался всё-таки отвоевать право обуться.

— Ходят. Мы с Маритом в прошлом месяце спускались туда за щенками, которые решили, что если уйти к реке босиком, дома не заметят пропажи сапог. Заметили пропажу щенков.

— Хорошо, что в поселении ещё есть наблюдательные волки. Где вы их нашли?

— Возле самого памятника. Вышли к нему по нижней тропе. До воды там далеко, пока она в берегах, а ночью я слышал реку снизу и думаю, что пройти ещё можно.

Лекарь Самэр вошёл, когда Брант пытался описать место, где нижняя тропа снова забиралась вверх. Дэйнар дослушал его и пообещал сам проверить дорогу. Самэр тем временем смерил взглядом обоих и попросил освободить скамью. У него были мокрые от дождя светлые волосы и брови, большой потёртый чемодан и такая манера подходить к раненым, что даже самые упрямые начинали искать, чем себя занять, лишь бы не глядеть на его руки.

— К вечеру мне можно будет на пост? — спросил дозорный. — Нижняя тропа пологая. Я по ней могу и шагом.

— К вечеру сможешь попросить, чтобы тебе принесли ужин. Если будешь сидеть смирно, даже принесут.

Дэйнар оставил их спорить и вышел в просторный вестибюль. Из окна над лестницей был виден двор, за ним дома ближайших к нему волков и ещё дальше крыши по склону. Ворота открыли для тележки из пекарни, которую каждое утро привозили к дому, и где-то у крыльца Элина просила оставить здесь лишнюю буханку для раненого. Дэйнар задержался у окна, пока не увидел, как посланный им волк миновал нижние дома и скрылся за поворотом. Когда он повернулся к гардеробу за курткой, из большой приёмной вышел старейшина Ромус.

Тот приехал накануне из своего поселения к северу от горы и собирался уехать после завтрака. Судя по дорожной куртке, Ромус уже мог это сделать, но всё ещё держал надкушенный ломоть хлеба и явно караулил Дэйнара. Светлые волосы у висков давно выцвели до белого, а серо-зелёные глаза оставались цепкими. В детстве Дэйнар умел по одному взгляду этого волка определить, что отец уже знает о разбитом окне или ночной вылазке. С годами оказалось, что старейшина иногда так смотрел на него вовсе без знания о проступке и просто ждал, когда Дэйнар сам выберет, в чём признаться.

— Я тебя со вчерашнего вечера ловлю, — сказал Ромус. — И каждый раз кому-нибудь что-нибудь нужно раньше меня.

— Сегодня у него нога, вчера у тебя была лишняя порция жаркого. Подозреваю, что в обоих случаях порядок был правильный.

— С жарким ты мне ещё припомнишь. А сейчас зайди на минуту, я хочу кое-что спросить.

В большой приёмной пахло хлебом и дровами из печи. Здесь хватало места для совета, когда старейшины съезжались со всех поселений, но сейчас за длинным столом стояли всего две чашки. Карина, женщина из прислуги, увидев Дэйнара, принесла ему завтрак. Она успела заметить, что он спустился прямиком к дозорному, и поставила тарелку рядом с той чашкой, где чай ещё не успел остыть.

— Скажи сначала, это твой вопрос или ты привёз его от остальных? — спросил Дэйнар. — Мне удобнее знать, со сколькими волками я завтракаю.

— Мой. Остальные умеют заговорить сами, ты уже должен был заметить. Я хотел спросить, ты с кем-нибудь собираешься познакомиться до тридцати пяти?

Дэйнар разломил хлеб и удивился тому, как быстро пропал аппетит, хотя ещё минуту назад он с удовольствием съел бы всё, что принесли. Старейшина знал, что будет делать после

разговора. Заберёт дорожную сумку, поедет домой, и к вечеру жена уже будет знать, хорошо ли его кормили и послушался ли он её насчёт тёплой куртки. На этом месте Дэйнар обычно переставал завидовать, потому что дальше следовали подробности о том, как Ромус всё равно надел не ту куртку и теперь за это ответит. Утром после сна даже такая мелочь отозвалась больно.

— До тридцати пяти у меня ещё два года. Скажи, когда это перестало быть достаточным временем?

— Когда тебе исполнилось тридцать три, но так и не появилось женщины, которой ты позволил бы оставить в доме хотя бы гребень. Ты собираешься ждать до последнего дня? А наутро выберешь первую, что согласится?

— Женщина, которая согласится выйти за меня наутро, способна оставить в доме куда больше гребня. И её я, пожалуй, побоюсь.

Старейшина усмехнулся, откусил ещё хлеба и дождался, пока Дэйнар сам решит, будет ли отвечать всерьёз. Он мог сейчас встать, сослаться на тропу и закончить разговор. На месте старейшины любой другой волк из совета, наверное, уже убедил бы его так и сделать. Этот держал своё слово, никому не обещал привести к нему невесту и говорил о том, за что Дэйнар сам взялся перед всей стаей.

— Я ещё надеюсь встретить истинную, — сказал он. — И я помню, что обещал отцу.

— Я тоже помню. Он, когда ты вышел от него, попросил меня открыть окно. Лежал, нюхал снег и радовался, что в тридцать пять ты ещё будешь молодым, даже если тебе самому покажется иначе.

Дэйнар думал, что помнит последние дни отца до запаха каждой вещи в спальне. Помнил мех на покрывале, который отец всё время сбрасывал на пол, потому что ему было душно, и мокрые следы от ботинок, которые сам оставил у кровати, когда в последний раз пришёл с обхода. Про окно он слышал первый раз. Ему захотелось спросить, что отец говорил ещё, но Ромус смотрел в чашку, и Дэйнар оставил тому несколько секунд.

— При совете ты повторил то же обещание, — продолжил старейшина. — Мы тебя услышали. Я и сейчас не отнимаю у тебя ни одного дня. Но когда ты в последний раз позволил хоть кому-то подойти близко?

Дэйнар мог назвать женщин, с которыми проводил ночи, и вспомнить, как они смеялись над его шутками, как нравились ему за столом и в постели и как обижались, когда он заранее предупреждал, что общего дома у них не будет. Ромус был достаточно стар, чтобы прекрасно всё это знать без перечня. Речь шла о том, кого Дэйнар позвал бы к себе днём, если бы случилось что-нибудь хорошее, и кто вошёл бы в эту дверь без просьбы о приёме. По утрам после сна он мог думать только об одной волчице, и ему было неловко за это даже перед теми женщинами, от которых он ничего не скрывал.

— Если я встречу ту, с которой захочу жить, ты узнаешь, — сказал он. — И тебе не придётся выспрашивать про гребни у моей прислуги.

— Договорились. Скажи лучше, я сегодня верхом до дома доберусь? Жена велела вернуться к ужину, а я всё ещё у тебя за столом.

— По верхней дороге сегодня не поедешь. Я проверю нижнюю и пришлю к тебе волка, как только станет ясно, где вести коня.

Старейшина взял вторую чашку и пододвинул её к альфе. Чай тот так и не тронул, а хлеб съел машинально, пока слушал про отца. Теперь он выпил несколько глотков, прежде чем встать. На пороге Ромус окликнул его и велел накинуть куртку потеплее. Дэйнар спросил, ту ли сам тот выбрал сегодня утром, и наконец услышал, как старый волк смеётся.

За такое утро сон обычно успевал отступить. С двадцати лет Дэйнар видел белую волчицу то у воды, то среди деревьев, и несколько раз просыпался посреди ночи с такой ясной уверенностью, что она рядом, что сидел в постели и слушал дом, пока не мог снова лечь. Когда

он был моложе, хотелось рассказать об этом отцу. Но рассказ начинался с белой волчицы, а заканчивался тем, что он понятия не имел, кто она, где её искать и почему столько лет узнаёт её во сне. Теперь он знал и цену словам, сказанным невпопад, и то, как легко в стае дают ход разговору об истинной альфы. Обещание отцу он мог исполнить. Только как после этого перестать ждать, Дэйнар пока не представлял.

Во дворе его догнал волк с верхней развилки. Смену успели перехватить, напарник Бранта вернулся из ложбины, а у верхнего входа оставили одного из старших, чтобы туда не сунулись желающие поглядеть на обвал. Альфа велел передать раненому, что оба его волка уже внизу. Ему самому теперь можно было идти к реке, не считая, сколько времени потребуется, чтобы вывести оттуда кого-то ещё.

Ниже последних домов ветер пошёл с реки. Дэйнар застегнул куртку до горла, убрал со лба белую прядь и спустился к старой дороге. Мех на воротнике быстро отсырел. Отсюда до верхней тропы можно было добраться по двум подъёмам, и он собирался проверить оба, пока ещё хорошо видно, куда после дождей стекала вода. Первый оказался завален ветками. На мокром песке отпечаталась босая пятка, рядом виднелись мелкие вмятины от пальцев, и след шёл туда, где высокий берег загибался к памятнику. Похоже, в поселении росло ещё одно поколение щенков, уверенных, что волки дома не заметят их пропажи.

Дэйнар прошёл по твёрдому краю тропы и оттуда увидел, что второй подъём цел. От него до реки оставалось ещё несколько десятков шагов. Когда вода стояла высоко, этот изгиб обходили по камням, теперь же по старой дороге можно было провести даже коня. Дэйнар уже повернул было обратно, когда ветер принёс запах дыма, приставшего к чьей-то одежде. Он остановился. За белой спиной мраморного волка виднелся край тёмной жилетки, а потом на открытое место вышла незнакомка и подняла голову к скульптурам.

Он помнил, как отец привёл его сюда в первый раз. На общем низком постаменте стояли два волка из белого мрамора. Крупный Арвис повернулся к волчице и опустил голову, а Илара подалась плечом к нему и подняла морду так, что издали казалось, ещё чуть-чуть, и она коснётся его щеки. Отец тогда подхватил Дэйнара под мышки и посадил на край постамента, чтобы он мог заглянуть в узкий просвет между ними. Дэйнар разглядывал Илару снизу, а потом спрашивал, где она жила и у кого в стае остались её дети. Про отсутствие детей отец ответил сразу, и Дэйнар долго злился на Рэйдана, хотя до того утра даже не знал его имени.

Незнакомка стояла как раз сбоку, откуда хорошо было видно, что мраморные звери разделены. Она наклонилась, разглядывая основание волчьих лап, и повернулась ещё до того, как он заговорил. Альфа заметил, что она успела увидеть и его, и тропу к реке. Путь туда он ей оставил. Девушка распрямилась и посмотрела на него прямо, как смотрят волки, которые рассчитывают уйти, но готовы остаться, если их попробуют задержать.

Из толстой косы у неё выбились чёрные пряди, влажные у висков, и на их фоне кожа казалась почти фарфоровой. Дэйнар видел чёрные волосы и чёрные глаза у волков Ночного Леса. С двумя из них он стоял в прошлом году выше по реке, когда после разлива стаям пришлось договариваться, где теперь вести дозор. Те были смуглые, как и большинство чёрных, с которыми ему доводилось встречаться. У незнакомки на светлой щеке Дэйнар различил даже тонкую царапину, какую оставляет молодая ветка. Он перебрал в памяти знакомые лица и ни к одному её не пристроил. Волков на другом берегу жило много, а Дэйнар знал в лицо едва ли десяток.

— Это земля Клана Лунного Снега, — сказал он. — Что тебя сюда привело?

— Я знаю, чья это земля. Пришла посмотреть на памятник.

Вблизи она оказалась ниже, чем ему показалось у постамента. Дэйнар мог бы заслонить от неё реку одним шагом, но с того места, где стоял, видел, что она и сейчас следит за боковой тропой. Влажная полоса тянулась у неё по низу брюк, а за пряжкой жилетки с меховой подкладкой зацепилась иголка хвои. Наверное, внизу ей пришлось пробираться через кусты.

Он представил, как она это делала, и поймал себя на мысли, что вполне хотел бы увидеть, как она ругается, когда цепляется косой за ветку.

— Издалека шла? Нижнюю дорогу местами размыло, там можно ногу подвернуть.

— Я добралась, как видишь. Здесь надо у кого-то спрашивать позволения, чтобы на них посмотреть?

— Кто спрашивает, тому обычно говорят, как пройти. Меньше шансов оступиться.

Она снова повернулась к волкам, но осталась стоять так, чтобы видеть его краем глаза. Дэйнар собирался узнать, каким путём она пришла, и уже прикидывал, удастся ли вывести её отсюда тем же подъёмом, которым он спустился сам. Тут она спросила, как зовут волка, хотя под каждой скульптурой на камне было выбито имя. Дэйнар посмотрел на буквы, и незнакомка проследила за его взглядом.

— Арвис, — ответил он. — А рядом Илара. Ты разве не за этим сюда пришла?

— Хотела увидеть, как вы их поставили. Издалека и вправду кажется, что они прижались друг к другу.

Она сказала это с таким вниманием к узкой щели между скульптурами, что Дэйнар сам ещё раз посмотрел туда. С этого места промежуток уже почти скрывала грудь Арвиса. Стоило отойти на шаг, и оба зверя снова стояли рядом, как стояли здесь всю его жизнь.

— Они были истинной парой, — сказал он. — Так их и запомнили.

— Удобно, когда знаешь, кого запоминать. А для тех, кого ваши волки там убили, у вас тоже есть памятник?

Дэйнар поначалу решил, что ослышался. В прошлый раз, когда он стоял здесь с кем-то из стаи, женщина привела сына показать ему Илару, и мальчик полдороги домой расспрашивал, как зверь узнаёт истинную. Дэйнар пересказывал ему то, что слышал от отца, и с удовольствием отвечал на вопросы, пока мальчишка не захотел узнать, встретил ли сам альфа свою волчицу. Этой незнакомке хватило минуты, чтобы свести разговор о мраморной паре к тем, кто пришёл тогда за чёрным волком.

— Рэйдан погубил их обоих. Он был ещё там, когда наши пришли.

— Конечно, он там был! Он мимо проходил и мог видеть, кто это сделал! Ваши убили его, а потом добрались и до тех, кто пришёл за ним.

— За ним? Ты и это знаешь?

— Свои пришли. Кто же ещё пойдёт за волком, который один, а вокруг него целая чужая стая?

Теперь Дэйнар почти не сомневался, с какого берега она пришла. Он успел встретить чужого дозорного, который даже дорогу к броду объяснял так, чтобы случайно не сказать лишнего о своей стае. Эта же защищала своих прямо у него на земле и, судя по тому, как крепко упёрлась каблуком в край тропы, никуда пока не собиралась. Дэйнар мог закончить разговор. Самым простым было показать ей путь к реке и идти домой. Но он остался, где стоял.

— Наши видели, как он убил Арвиса, — сказал он. — Ты наверняка и про это слышала, раз знаешь остальное.

— Слышала, что ваши так говорят. Кто-нибудь из них видел, как Рэйдан убил Илару?

Он знал ответ, который дали бы у него дома. Когда белые подоспели, Илара уже лежала на земле, Арвис ещё был жив, а Рэйдан был рядом с ним. Никто в стае не сомневался, почему волчица лежала у его лап. Дэйнар тоже никогда не сомневался. Сейчас он пытался припомнить, говорил ли отец хоть раз, что кто-нибудь видел сам удар. Слова про Илару вспоминались точно, вплоть до того, как отец задержал руку у него на затылке, чтобы он перестал ёрзать на постаменте. Про удар в этих словах ничего не было.

— Её нашли уже раненой, — ответил Дэйнар. — Арвис был рядом, и наши видели, что с ним сделал Рэйдан.

— Тогда про Арвиса понятно. А про Илару у тебя тот же ответ, что у меня.

Она отступила на тропу, и гравий хрустнул у неё под подошвой. Дэйнар успел заметить, что к царапине у неё на щеке прилипла светлая ворсинка от воротника. Он мог бы снять её двумя пальцами, и рука уже пошевелилась в кармане, когда он сообразил, насколько ей это не понравится. Девушка стояла у самой тропы, а у него вдруг нашёлся ещё один вопрос, хотя про Рэйдана они на сегодня сказали друг другу предостаточно.

— Ты всегда ходишь на чужую землю спорить с первым встречным? Или это мне сегодня повезло?

— Я пришла посмотреть на волков. Спорить начал первый встречный.

Ему пришлось отвернуться к реке, чтобы она не увидела, как он улыбается. Ветер теперь шёл вдоль воды, и обещанный дозорному путь отсюда был хорошо виден до первого поворота. Дэйнар мог показать ей, где камни крепче держатся под ногой. Он уже собирался это сделать, когда она сама выбрала сухой край тропы и пошла вниз так уверенно, словно успела выучить дорогу по пути сюда.

— Как тебя зовут? — крикнул он. — Или ты и это оставишь первому встречному угадывать?

Незнакомка оглянулась с поворота, где нижняя тропа уходила за камни. По тому, как она приподняла подбородок, Дэйнар ожидал, что сейчас она скажет имя и, может быть, напоследок ещё раз заденет его за Арвиса. Он даже подался вперёд, чтобы лучше её слышать.

— Дорогу отсюда я знаю, — сказала она. — За остальное не беспокойся.

Она скрылась за поворотом. Дэйнар остался у памятника, где белая волчица по-прежнему тянулась мордой к щеке Арвиса. Отсюда он видел и её, и просвет между двумя зверями, на который незнакомка смотрела, прежде чем его услышала. Он мог бы окликнуть её ещё раз, но остался слушать, пока её шаги совсем не стихли у реки.

Глава 2

На своём берегу Лаира дёрнула за куст, чтобы выбраться из промоины, и осталась с сухой веткой в руке. Земля поехала под каблуком, и пришлось съехать обратно к воде, где она уже один раз вымочила ботинки. Снизу было хорошо видно, что дальше по течению берег более пологий. Утром она спустилась здесь за несколько шагов и, конечно, решила, что тем же путём вернётся. Белый волк у памятника предупреждал, что дорогу размыло. Вот пусть сам теперь попробует добраться до леса с её стороны.

Она пошла вдоль воды, держась под высоким берегом. Отсюда белые скульптуры скрылись из виду, и мужчина, если он всё ещё стоял у памятника, тоже не мог её видеть. Лаира зачем-то проверила это ещё с двух мест и едва не выругалась, когда поняла, что запомнила даже, на каком камне он стоял, пока она уходила. Лучше бы так хорошо запомнила обратную дорогу. Пригодилось бы прямо сейчас, когда мокрые брюки липли к щиколоткам и в левом ботинке хлюпало при каждом шаге.

У него были серо-голубые глаза, и Лаире до смешного понравилось смотреть в них. Пока спорили, это было легко оправдать. Стоило отвести взгляд, и он ещё решил бы, что переубедил её. Они к тому времени уже всё сказали про Рэйдана, а ей всё равно хотелось, чтобы он постоял напротив ещё немного. На ветру белая прядь сползла ему на лоб, и он, занятый разговором, так и оставил её там. Лаира успела подумать, что ему даже идёт, когда волосы лежат кое-как, хотя у любого из знакомых она бы такую мелочь пропустила. И плечи у него были такие, что поначалу она прикинула, успеет ли уйти, если он встанет поперёк тропы, а через минуту ей уже хотелось знать, как он выглядит, когда смеётся.

При мысли о том, как он спросил её имя, опять потеплело под воротником. Лаира ведь могла назваться. Что такого, если бы он узнал, что она дочь альфы? Могла и сама спросить, как его зовут, но тогда пришлось бы признать, что ей интересно. Теперь она шла по своей земле и всерьёз жалела о том, что упустила случай познакомиться с красивым белым волком. Куда уж лучше, Лаира! Ты ещё придумай, где с ним увидишься завтра!

С детства она знала, что белые и чёрные могут встретиться у брода, передать через реку весть и разойтись каждый к своим. За одним столом старшие из двух стай садились, когда приходилось решать общее дело. А выбирать себе волка следовало среди своих. Это правило Лаира знала так давно, что до сегодняшнего утра ей и в голову не приходило проверять, чего оно стоит. На том берегу он стоял близко, и она могла бы назвать ему своё имя. О запрете она вспомнила уже здесь, когда от него её отделяла река.

У пологого выхода пахло своим дозором. Лаира ещё до того, как разобрала фигуру между деревьями, узнала Тавера по табаку, который он носил в нагрудном кармане. Он ждал у сосны, где начиналась сухая тропа, и с живым интересом смотрел на её ботинки. Брюки у Лаиры потемнели почти до колен. Поздно было делать вид, что она спускалась к реке только посмотреть на воду.

— Обязательно стоять на самом удобном месте? — спросила она. — В лесу полно деревьев, за которыми меня бы не было видно.

— Я пробовал. С этого места я тебя ловлю уже третий раз, и пока мне ни за что не пришлось бегать.

— День ещё не кончился. Хочешь, я пойду обратно и дам тебе время перебраться за другое дерево?

— Обратно сегодня пойдёшь через брод. Вода подмыла берег, я видел, как осыпалось у корней.

Он кивнул туда, откуда она только что вышла. Тавер знал реку и мог определить по одному следу, где у волка соскользнула нога, а где тот нарочно полез в воду, чтобы обойти

дозор. Отпираться перед ним было всё равно что объяснять отцу с полным ртом, что до обеда никто не трогал пирог. Лаира вытащила из волос веточку и бросила под сосну. Вот эту мелочь она забыла проверить, когда выбиралась из кустов.

— Я думала, ты до обеда на западной тропе. Кто тебя поменял?

— Сам поменялся. Вода с утра поднялась, и я пошёл проверить подходы. Кто-нибудь с берега Лунного Снега видел, как ты переходила?

— У воды никого не было. Возле памятника встретила одного волка. Мы поговорили и разошлись.

Тавер перестал улыбаться. Лаира знала этот его взгляд. Он так смотрел на берег перед обходом, когда замечал, что знакомый след уходит туда, куда волк идти не собирался. Она уже приготовилась объяснять, отчего пошла смотреть на белых волков в камне и почему выбрала сегодня, но Тавер спросил о другом.

— Он тебя провожал? Сюда следом никто не пошёл?

— Он остался у памятника. Могу тебе показать место, откуда его в последний раз видела, если соберёшься проверять.

— В следующий раз скажи мне, где собираешься переходить. Если к вечеру не вернёшься, я хоть буду знать, где искать.

У Тавера была неприятная привычка говорить по делу именно тогда, когда она уже придумала хороший ответ. Лаира могла бы пообещать ему, что впредь станет согласовывать с дозором каждую прогулку, и посмотреть, как долго он продержится с серьёзным лицом. Но место у корней и вправду осыпалось, пока она держалась за куст. Если бы она оступилась ниже, за изгибом, с этого удобного места он даже брызг бы не увидел.

— Скажу, — пообещала она. — И больше не полезу под те корни. Что ты так смотришь? Я ведь иногда соглашаюсь с тобой.

— Иногда. Передай отцу, что к броду можно вести лошадей. Он с утра спрашивал, как там после дождя, а я ещё не успел зайти.

На верхней тропе Лаира вынула из левого ботинка стельку и выжала её. Теперь можно было идти, не слушая противного хлюпанья, и если бы незнакомец видел, как она скачет на одной ноге, то наверняка спросил бы, хорошо ли она знает дорогу. Лаира сунула стельку обратно и рассмеялась. Смех тут же захотелось приберечь до встречи с кем-нибудь из своих. Уж очень легко этот белый поселился у неё в голове за то короткое время, пока они стояли у памятника.

Лес отступал от первых домов широкой полосой, которую расчищали каждую весну. Между дворами уже подсохло, и возле ворот братья Рен и Нив по очереди ставили ладони в самую глубокую лужу, чтобы увидеть, у кого след выйдет крупнее. Увидев, что Нив собирается приложить руку к чистой рубашке старшего, Лаира свистнула и показала ему на его полы рубашки. Он послушался с таким довольным видом, что ей пришлось отвернуться. В его возрасте она тоже считала, что на тёмной ткани никто ничего не заметит, и до сих пор иногда одевалась по этому соображению.

Отцовский дом стоял за широким двором, в глубине расчищенного места. По окнам Лаира ещё издали определила, что отец у себя. В передней половине дома принимали волков из других поселений, а окно за боковым крыльцом было приоткрыто ровно настолько, насколько любил открывать Ольвер, когда садился обедать. Она пошла через кухню, надеясь снять ботинки и добраться наверх до того, как её увидят. Ивена уже ждала у двери с сухой тряпкой. Она двадцать лет работала в этом доме у альфы и могла по звуку шагов сказать, кто сейчас упрётся грязной подошвой в её чистый пол.

— Стой на половике, — велела она. — И попробуй сказать, что это с тропы от колодца.

— Я даже не успела придумать про колодец. Ты могла бы дать мне немного времени.

— Если дам тебе время, ты успеешь выбежать в другую дверь. Разувайся, я принесу тебе что-нибудь сухое.

Лаира сняла ботинки и поставила оба под скамью, где Ивена держала обувь, которую предстояло отмыть. У печи висели отцовские перчатки, и рядом сушился мешок, привезённый с дальней дороги. Она успела задаться вопросом, кто приехал в такую погоду, но тут из соседней комнаты её позвал отец. Ивена забрала жилетку, потрогала мех у ворота и достала с крючка тёплую кофту. От неё пахло домом и сушёной мятой, которую Ивена клала между вещами в шкафу. Лаира натянула кофту поверх рубашки и пошла к отцу, пока не придумала, что ей обязательно нужно сделать наверху.

Альфа сидел у окна, и на столе перед ним лежал лист с перечнем того, что вечером повезут в дальнее поселение. Он поднял голову, когда Лаира вошла, и его взгляд сразу остановился на царапине у неё на щеке. У отца были смуглая кожа и тёмные волосы с проседью у висков. Лаира в детстве любила сравнивать их руки, когда он брал её за ладонь. Зимой её пальцы на фоне его казались совсем белыми, и ей нравилось засовывать их ему под рукав, потому что Ольвер терпел до последнего и всякий раз делал вид, что у него ничего не мёрзнет.

— Тавер передаёт, что к броду можно вести лошадей, — сказала Лаира. — Вода поднялась, но там ещё можно пройти.

— Хорошо. Садись, у тебя опять руки ледяные.

Ивена принесла обед и поставила перед Лаирой фарфоровую тарелку с запечённой уткой и овощами. Лаира села и успела попробовать утку, прежде чем отец отодвинул лист.

— А ты где сегодня переходила? По брюкам вижу, что не у брода.

— Ниже по течению. Я ходила к белым смотреть на памятник.

Ольвер взял из корзинки булочку и разломил пополам. Одну половину положил ей на хлебную тарелку, как делал всегда, когда дочь садилась обедать позже него. Лаира взяла хлеб. Хотелось, чтобы первым он спросил, что она там увидела. По тому, как отец откинулся на спинку стула и посмотрел на мокрые брюки, первым явно должен был быть другой вопрос.

— Одна? И никому из своих не сказала, куда идёшь?

— Одна. Мне хотелось посмотреть на скульптуры, папа. Если бы я повела с собой половину нашего дозора, белые решили бы, что мы пришли их снимать.

— Половину дозора вести было незачем. Достаточно было сказать одному волку, где ты будешь. Ты туда по воде шла?

— По камням. На обратном пути добралась по берегу до пологого выхода. Тавер там стоял и уже сказал мне всё, что полагалось.

— Тогда мне останется спросить, зачем тебе это понадобилось именно сегодня? Памятник стоял там и вчера.

Лаира положила вилку на тарелку и принялась перебирать пальцами край салфетки. Она могла бы рассказать про реку во сне, как долго пыталась узнать знакомые берега и как однажды со своей стороны разглядела белые фигуры в просвете деревьев. Ей захотелось проверить изгиб реки с другого берега, и заодно она наконец могла увидеть, что белые сделали с историей, которую у неё дома рассказывали совсем иначе. Если начать с изгиба, отец спросит, с чего она вообще взялась сверять места со снами. Дальше пришлось бы говорить и о чёрном волке, а этого она не обсуждала даже с теми, с кем могла посмеяться над собой.

— С нашего берега видно, что волки стоят рядом. Мне хотелось подойти и посмотреть, как они сделали их парой. У них даже имена выбиты под лапами, чтобы никто не перепутал, кого надо помнить.

— Илару и Арвиса я бы тоже захотел помнить, если бы вырос у Лунного Снега. Ты там с кем-нибудь говорила?

Про встречу Лаира собиралась рассказать и без расспросов. Ей хотелось сначала доесть, а ещё лучше придумать, как сказать о незнакомце так, чтобы тот остался в разговоре одним

из белых, чей ответ ей понадобился. В конце концов, она могла ведь спросить про Илару у любого волка, который подошёл бы к ней у памятника. И с любым поспорила бы точно так же. Во всяком случае, отцу незачем было знать, что сейчас, стоит ей подумать о том месте, она прежде всего видит его.

— Один волк подошёл. Спросил, что я делаю на земле Лунного Снега. Потом сказал, что они были истинными и что Рэйдан убил обоих.

— Кто подошёл? Дозорный?

— Не знаю. Мы там не знакомились. Когда он спросил моё имя, я уже уходила.

— И ты ему его не сказала. Хорошо, а что он ответил про Илару?

Лаира отломила кусок хлеба и отложила остальное. Ольверу она могла рассказать, как отстаивала своих, как сказала белому, что Рэйдан мог видеть убийцу и что чёрные пришли на помощь, когда он остался один. Отцу и так была известна вся эта история. Ему нужен был ответ волка с другого берега, и Лаира заставила себя вспомнить его слова, пока ещё помнила, где он перестал спорить и заговорил тише.

— Сказал, что её нашли уже раненой. А про Арвиса сказал, что белые видели, как Рэйдан его убил.

— Про Арвиса я от белых то же самое слышал. Про Илару у них обычно всё одним словом обходится. Погубил, и всё.

— Вот и я спросила, кто видел. Он мог соврать, что видел кто-то из его рода. Уж я бы не побежала спрашивать у них имена.

— Мог, — согласился Ольвер. — Если встретишь его снова, запомни, что он сказал сегодня. Потом бывает трудно отделить слова чужого волка от тех, которые за него придумал по дороге домой.

Лаира съела кусок хлеба, чтобы занять рот, и обнаружила, что улыбается. Из всего разговора отец выбрал именно то, на чём её можно было поймать. Пока она возвращалась, незнакомец в её голове успел сказать ещё с десяток вещей, и на каждую у неё нашёлся ответ. В действительности он выслушал её до конца. Когда признал, что Илару нашли раненой, Лаира даже не знала, что сказать дальше. Хотя по дороге домой ей казалось, что уж в эту-то минуту она точно нашла бы, чем его задеть.

— Я запомнила, — ответила она. — И всё равно мне неприятно, что у них там есть место для белых, а от наших осталась одна история про убийцу. Их же несколько пришло. Кто-то, наверное, дома ждал, что они вернутся...

Ольвер придвинул к себе лист и разгладил загнувшийся угол. Лаира видела альфу таким и на совете, когда волки приносили плохую весть и отец давал им договорить, хотя уже догадывался, чем всё кончится. Рядом с ней за столом он мог долго молчать, и она любила в нём это с детства. У неё было время выговориться самой и услышать, что она говорит.

— Наши помнят, за кем тогда пошли волки, — сказал он. — И мы с тобой помним. Если снова захочешь посмотреть на их памятник, пойди по броду и скажи Таверу заранее. Всё-таки земля чужая.

— Ты меня всё-таки отпустишь? Я думала, сейчас скажешь, что одного раза с меня хватит.

— Я скажу, что ты в состоянии придумать дорогу получше. Можешь начать с того, что отнесёшь Ивене свои ботинки и предупредишь, что в одном до сих пор мокрая стелька.

Лаира посмотрела на отца и рассмеялась. Он уже вернулся к списку, провёл пальцем по строчкам и поманил её к себе. В дальнее поселение собирались везти муку и запас тёплых одеял, и теперь, когда Тавер проверил брод, альфа хотел отправить всё до вечера. Лаира знала, где колёса после дождя вязнут у развилки, потому что недавно сама ездила туда, и отец записал на листе тот объезд, который она ему показала.

— Вот видишь, — сказала она. — Когда мне надо, я умею выбирать хорошую дорогу.

— Когда тебе надо, ты умеешь выбрать любую, по которой приведёшь себя туда, куда тебе хочется. Я это про тебя давно знаю.

Он отдал ей лист и попросил занести его во двор, к тем, кто собирал груз. Лаира пошла на кухню за обувью с приятным чувством, что отец всё ещё считает её способной справиться самой. Про незнакомца она ему так и не сказала ничего, кроме нужного для разговора. Если бы отец спросил, запомнила ли она, какие у белого глаза, пришлось бы либо соврать, либо остаться за столом ещё на час.

Груз ушёл со двора, когда солнце опустилось за верхушки елей. Лаира дождалась, пока за воротами перестанут скрипеть колёса, и забрала с крыльца куртку. Ивена успела высушить мех на жилетке, но ботинки ещё не просохли, и Лаира выбрала другую пару. Ей хотелось пробежаться до темноты. Если задержится ещё немного, отец решит, что она собралась к реке во второй раз, и уговорит кого-нибудь из волков пойти с ней.

За последними домами она остановилась у низкой сосны, под которой оставляла одежду столько раз, что знала на память каждый сучок на нижних ветках. Под лапником земля оставалась сухой. Лаира повесила куртку на ветку, чтобы на обратном пути не пришлось шарить в темноте, разыскивая вещи. Под сосной пахло смолой и родной стаей. От этого давно знакомого запаха ей опять вспомнился чёрный волк, которого она видела во сне.

В последнем сне он лежал у самой реки, положив морду на лапы. Лаире было видно, как вода шевелит шерсть у него на боку, а он всё лежал и даже ухом не повёл, когда она подошла. Она знала, что если ляжет рядом, он подвинется и даст ей место между собой и берегом. Откуда знала, Лаира потом долго пыталась вспомнить. Наяву ни один волк не вызывал у неё желания подойти так близко, когда можно ещё постоять и подумать, чего от тебя хотят.

Этого чёрного волка за год она так и не встретила. С тех пор как он начал ей сниться, у Лаиры появилась дурацкая привычка присматриваться к незнакомым волкам, когда кто-нибудь приезжал к отцу из других поселений. Раз она так засмотрелась на волка у ворот, что он окликнул её и спросил, не помочь ли ей чем. Ей тогда пришлось попросить его подвинуться и пройти мимо, хотя шла она совсем в другую сторону. Ответить, что пытается увидеть в нём истинного, который ей приснился, Лаира не решилась бы даже в шутку.

Ей девятнадцать. В девятнадцать можно встретить своего волка через неделю, через год или ещё позже, и однажды она, может быть, посмотрит на волка и поймёт, почему столько раз видела его во сне. Ещё в детстве, когда кто-нибудь рассказывал про истинных, Лаира всегда придвигалась поближе, чтобы расслышать, как именно они поняли, что нашли друг друга. Ей хотелось, чтобы когда-нибудь так посмотрели и на неё. Может, она сама придумала себе того волка, пока слушала чужие истории, и теперь ещё собирается искать его по всему Ночному Лесу. Признаться в этом себе было смешно. Перестать ждать, когда он ей снова приснится, Лаира всё равно не могла.

Она оставила вещи под сосной и обернулась. Первые шаги сделала по мягкой земле, потом перескочила через канаву и пустилась по тропе, которой волки обычно возвращались из дальних домов. Под лапами ещё попадались мокрые корни, но теперь она легко брала их в прыжке. Здесь можно было разогнаться, вылететь с поворота на мягкую хвою и никому не объяснять, зачем ей вдруг захотелось бежать. Лаира подхватила знакомый след Тавера, пробежала по нему до развилки и свернула туда, где лес редел у воды.

К реке она вышла немного выше того места, где утром отломила ветку. Здесь между берегами лежала длинная коса, и пока вода не поднималась над камнями, волки могли выйти на неё с обеих сторон. Ниже шумело течение, а у кромки воды на гальке оставались мелкие лужи. Лаира спустилась попить и подняла голову, когда с другого берега посыпались камешки. Запаха в тот миг ей не принесло. Ветер шёл от неё к воде, и первым, что она различила, было белое пятно между серых камней.

Волк спускался с той стороны. Он был крупный, с мокрой шерстью на груди, и шёл прямо к косе, пока не заметил её. Тогда он остановился. Лаира могла уйти вверх по тропе, и с того места, где он стоял, ему пришлось бы догонять её через воду. Она оглянулась на подъём и почему-то спустилась ещё на шаг, поближе к реке. Белый волк повёл носом, приподнял уши и замер, подавшись вперёд. Теперь и он её учуял.

Она ждала, что сейчас он остановит её рыком или сам останется на своём берегу. Волк прошёл по камням и ступил на косу. Лаира смотрела, как он ставит передние лапы на гальку, и ей хотелось, чтобы он подошёл ещё. Это желание оказалось таким простым, что она чуть сама не вышла навстречу. Вдруг стало важно выяснить, пахнет ли его шерсть у шеи так же, как там, где ветер перебирает её за ухом. Ей хотелось узнать, как он ляжет рядом и позволит ли ей положить голову ему на лапы. В том, что позволит, она была почти уверена. Для этой уверенности ей даже не нужно было подходить вплотную.

Белый сделал ещё несколько шагов и остановился у узкого рукава между косой и её берегом. Теперь она могла видеть его глаза. Её волчица уже узнала его, и мысль о том, что с ним можно уйти отсюда куда угодно, принесла такую радость, что на миг Лаира забыла, где они стоят. Это её волк, её истинный. Она даже подалась к нему, и тогда он склонил голову к воде, готовясь ступить в рукав. В серой воде под его мордой отразилась белая грудь, и Лаира наконец сообразила, к кому едва не пошла навстречу.

У реки стоял волк из чужой стаи. С того берега она утром ушла, рассердившись на белого за то, что тот назвал Рэйдана убийцей, и теперь ей хотелось перебраться туда снова, хотя бы для того, чтобы этот волк коснулся её носом. Отец ждал её дома, Тавер знал, где искать её следы, и она могла бы вернуться к ним, пока ещё ничего не случилось. По ту сторону воды волк поднял морду. Лаире осталось сделать один шаг, и весь её зверь тянулся сделать именно его. Но она развернулась и побежала.

Вдоль воды лапы скользили по сырой земле, и на склон Лаира полезла между теми самыми корнями, под которыми обещала Таверу больше не ходить. За спиной плеснула вода. Белый бросился за ней, и от одного звука его шагов хотелось сбавить ход, чтобы он смог сравняться с ней. Она взяла выше, где под хвойной подстилкой начинались твёрдые камни, и на несколько прыжков потеряла из виду реку. Воздуха хватало. Тропа была знакомая, и Лаира легко оставила бы позади волка, который ни разу здесь не бегал, если бы могла думать только о том, как от него уйти.

Шаги стихли. Лаира пробежала ещё до развилки, где начинался густой ельник, и остановилась. Здесь уже пахло Тавером, сырым деревом и своими. Можно было бежать до самой сосны, где она оставила вещи, потом одеться и войти в дом через кухню, пока Ивена не заперла боковую дверь. Отец спросил бы, где она бегала. На этот раз Лаира могла по правде сказать, что была на своей земле.

Она постояла, пока дыхание не выровнялось, и вернулась туда, откуда было видно воду. Он всё ещё был у реки. Стоял по ту сторону узкого рукава, на последних камнях косы, и смотрел туда, где она исчезла. Одна передняя лапа у него была мокрой до локтя, и Лаира теперь знала, чей плеск слышала на подъёме. До её берега ему оставалось несколько прыжков. Дальше он так и не пошёл.

Ему следовало развернуться и уйти к своим. Лаира ждала этого между елями, где с воды её можно было заметить, если знать, куда смотреть. Белый поднял голову и замер. Она могла уйти, пока он оставался на своих камнях. Но вместо этого Лаира вышла из-под деревьев, чтобы увидеть его ещё раз, и теперь уже знала, что он тоже её видит.

Глава 3

Дэйнар спускался к косе, когда с берега Ночного Леса потянуло запахом волчицы. Из-под лап посыпались камешки, и на той стороне подняла голову чёрная волчица, которая до этого стояла у воды. Дэйнар отчётливо видел её плечи, кончики ушей и мокрую шерсть на передних лапах. Он ещё успел прикинуть, куда она побежит, если он сделает шаг, а потом вдохнул снова и позабыл, зачем вообще спустился к реке.

Он узнал её, и от радости едва удержался на мокром камне. Ему снилось, как он найдёт её, и ещё до того, как эти сны начались, он пытался представить себе встречу. Ни разу не угадал, что в тот миг захочет самой простой вещи: чтобы она подошла и ему больше не пришлось с ней расставаться. Можно будет бежать рядом, выспаться бок о бок и проснуться, зная, что она всё ещё здесь. Он даже успел подумать, как поведёт её домой, и чуть не шагнул в воду там, где камни кончались и начиналось течение.

Тринадцать лет ему снилась белая волчица. Он видел, как она выходила из воды, и помнил светлую шерсть у самого носа так ясно, что порой, проснувшись, хотел протянуть руку и нащупать её рядом. А на берегу стояла чёрная, и Дэйнар уже шёл к ней. Он в какой-то нелепой надежде втянул воздух ещё раз. У ветра было одно направление, на берегу была одна волчица, и от её запаха ему хотелось переступить последние камни и оказаться рядом.

Он ступил на косу. Между ним и волчицей оставался узкий рукав, и до её берега можно было добраться в несколько прыжков. Она подалась вперёд, и Дэйнар позволил себе ещё шаг. Ему показалось, что она сейчас сама подойдёт к воде. Он успел подумать, что, если подождать здесь, ей будет проще, и в ту же секунду волчица развернулась и рванула вдоль берега.

Дэйнар метнулся за ней. Холодная вода обдала ему переднюю лапу, и он уже знал, куда выскочит на той стороне. Оттуда до корней было недалеко, а волчица уже лезла вверх по сырому склону, с которого у неё из-под лап летела земля. Дэйнар увидел, как она карабкается, и забрал лапу из воды. Она бежала от него. Даже если бы на том берегу была его земля, он сейчас шёл бы за волчицей, которая изо всех сил старалась от него уйти.

Он стоял на краю косы и слушал, как она удаляется. С каждым её прыжком ему приходилось заново решать, оставаться ли на месте. Зверь не видел причины ждать. Можно было перебраться, взять по её следу вверх и найти, где бы она ни остановилась. Дэйнар представил, как она снова услышит его за спиной, и отступил на камень, с которого только что соскочил. Шерсть на лапе намокла до локтя. Когда он переставил её, по камню потекла вода и подушечку обожгло холодом.

Она могла вообще не вернуться. Дэйнар сам оставил ей такую возможность, и теперь, когда шагов за деревьями уже не было слышно, ему предстояло уходить. Он поднял голову и увидел её между елями. Волчица вышла из-за ствола и остановилась. Отсюда было видно, как часто поднимается у неё грудь после бега. Она смотрела на него, и в этот раз Дэйнар даже лапу не переставил.

На том берегу ещё можно было различить глубокие следы, которые она оставила на подъёме. Он на них смотрел, когда она снова скрылась за деревьями. Ему хотелось злиться на свои сны. Все эти годы он просыпался с уверенностью, что однажды встретит белую волчицу, узнает её и сможет привести домой. Сейчас он уже знал, что ему никогда не приходилось по-настоящему ждать невозможного. Прежде ему мешало только время. Теперь за несколькими шагами воды лежала земля чужой стаи, и он никак не мог придумать волка из своих, которому сумел бы рассказать, почему уходит оттуда один.

На обратном пути Дэйнар дважды сбавлял ход для неё. В первый раз на подъёме, где легко было оступиться, во второй на узком обходе возле памятника, где двоим пришлось бы идти друг за другом. И оба раза слышал только свои шаги. У памятника он даже остановился

и посмотрел на тропу, по которой утром ушла незнакомка. Она ещё тогда оставила его стоять одного и ни разу не спросила, как его зовут. Дэйнар не знал, зачем ему сейчас понадобилось вспоминать о ней. На сегодня он и так выслушал от чужих волчиц всё, что ему полагалось, и, судя по тому, как неохотно сворачивал к дому, ничего из этого не усвоил.

Утром Брант поджидал его в малой приёмной. При виде альфы он привстал и так старательно перенёс вес на здоровую ногу, что Дэйнар посмотрел сперва на повязку и только потом ему в глаза. На низком столике стояли чашки, а возле скамьи Марит оставил куртку дозорного, и Брант уже держал её на коленях. Судя по всему, рассчитывал выйти отсюда вместе с напарником и по дороге объяснить, почему это хорошая мысль.

— Вчера Самэр обещал тебе ужин, если будешь смирно сидеть, — сказал Дэйнар. — С тех пор он успел разрешить тебе чего-нибудь ещё?

— Наступать на ногу можно. Он сказал, что если до вечера отёк не разойдётся, то завтра можно будет пройтись.

— Сегодня уже завтра? Я всю ночь пропустил или ты пришёл заранее?

Брант усмехнулся и положил куртку рядом. Дэйнар сел напротив и заметил, как волк сразу подобрался. Вчера он так же собирался встать, чтобы пойти искать Марита, и Дэйнару пришло в голову, что делать ему сегодня в четырёх стенах будет действительно нечего. Пока он здоров, за одну смену успевает обойти склон и заметить то, мимо чего другие проходят годами. Оставить его дома проще всего. Вопрос в том, сколько времени пройдёт, прежде чем он решит доказать, что по лестнице уже может спускаться без помощи.

— Я хотел спросить про нижнюю тропу, — сказал Брант. — Вы вчера сами прошли от памятника до подъёма?

— Прошёл. Верхний выход виден сразу, а у первого после дождя набросало веток. Тем, кто пойдёт от нижних домов, проще подняться дальше по старой дороге.

— Вот я про них и хотел спросить. Вечерняя смена там редко ходит. Марит им покажет дорогу?

— Покажет, пока не откроем верхнюю тропу. А что там ещё надо им объяснить?

Брант потянулся к краю стола, где лежала сложенная схема склонов, которую Дэйнар принёс ещё с вечера. На бумаге нижняя дорога была обозначена одной линией, и если бы он сам ни разу там не ходил, тоже решил бы, что можно просто идти вдоль воды до подъёма. Брант нашёл развилку и показал, где два пути расходятся так близко, что в сумерках легко свернуть за чужим следом. Дэйнар вчера это место прошёл, даже не задумавшись. Он знал дорогу, а волк, который в первый раз спустится туда после дождя, примет широкую промоину за старую тропу.

— Вот здесь надо показать, куда идти, — сказал Брант. — Если внизу метка стоит старая, из-за веток её теперь не видно.

— Тогда отметь это на двух схемах. Одну отдашь Мариту, а вторую оставь у входа для тех, кто поедет дальше на север.

— А потом что? Мне же до вечера здесь сидеть.

— Потом объяснишь Элине, почему от твоих ботинок на ковре вчера осталась земля с верхнего склона. Я бы с этого и начал. Схемы она тебе доделать даст, если пообещаешь больше не ходить по её коврам в обход дозора.

Из коридора послышался голос Марита, который просил придержать ему дверь. Брант потянулся за курткой, но, заметив, что Дэйнар на него смотрит, оставил её на скамье и подвинул к себе схему. Альфа выглянул в коридор. Марит пришёл за расписанием и, увидев его, спросил, кто пойдёт к реке с вечерней парой. Дэйнар уже успел открыть рот, чтобы сказать, что пойдёт сам. Ему даже не пришлось ничего придумывать. Вчера он ходил по нижней дороге, знал, где смотреть, а от подъёма до косы можно было добраться за несколько минут.

Он прикрыл дверь в приёмную, чтобы Брант мог спокойно работать. Марит стоял перед ним и ждал ответа, и Дэйнар подумал, что мог бы сейчас отправить его на другой участок. У волка за весь разговор не возникло бы и мысли, что альфе просто нужно снова оказаться там, где он встретил чёрную волчицу. И хуже всего было то, с какой готовностью Дэйнар уже нашёл себе оправдание. Он ещё вчера не знал, что сделает, когда найдёт истинную, а сегодня чуть было не полез ради неё в расписание дозоров.

— Покажешь им обход, как и договаривались, — сказал он. — У Бранта есть уточнение по развилке, забери у него схему. Я к полудню поеду к верхним дворам, там надо проверить запасной проезд.

— У старой ограды? Вчера оттуда спускался хозяин крайнего дома и говорил, что ворота заело.

— Вот с ворот и начну. Если на нижней тропе что-нибудь изменится, пришли за мной.

Марит пошёл к Бранту. Дэйнар ещё успел услышать, как тот позвал его к столу и принялся объяснять, что на схеме сперва надо смотреть на изгиб дороги, а потом уже на все красивые линии, которые там кто-то нарисовал. При других обстоятельствах Дэйнар вернулся бы и сообщил, что красивые линии рисовал он сам. Сейчас ему нужно было выйти из дома, пока не придумал новую причину отправиться туда, куда обещал себе не ходить.

В кабинете он забрал ключи от машины и задержался у окна. С этой стороны реки не было видно даже после того, как деревья сбрасывали листву. Дэйнар всё равно знал, где она. В детстве он мог с закрытыми глазами показать направление, а отец, когда учил его ходить с дозором, заставлял ещё и назвать, куда поворачивать, если разлился брод. Отец объяснял, с кем договариваться на другом берегу и зачем обеим стаям знать, где обходят воду. С чужими волками можно было встать плечом к плечу, если надо вытащить кого-то из реки. Стать семьёй с одним из них запрещалось. Даже истинность ничего в этом правиле не меняла.

Запрет появился после старой войны, задолго до гибели Илары. Смешанные семьи тогда оказались по обе стороны, и волки, которые ещё недавно вместе растили детей, должны были выбирать, с кем останутся. У Дэйнара в детстве не укладывалось в голове, как можно оставить своих, и он был уверен, что каждый волк на это ответит одинаково. Потом вырос и услышал от отца, сколько раз за ту войну слово «свои» означало разных волков для двоих из одного дома. Среди белых, когда вспоминали, что вышло из тех старых распрей, вспоминали и Илару с Арвисом. Они погибли много позже, но достаточно было произнести имя Рэйдана, и даже те, кто спокойно садился с соседями за один стол, больше не хотели говорить о том, как легко было бы жить без запрета.

Дэйнар вырос среди этих волков. Они доверяли ему решать, куда посылать дозор и где оставлять открытой дорогу. Через два года они ждали от него ещё одного решения, и он сам обещал им, что примет его, если так и не встретит истинную. Когда ему снилась белая волчица, он иногда представлял, как первым сообщит о встрече Ромусу. Старый волк наверняка спросит, для чего тогда понадобилось столько лет мучить его разговорами о женитьбе, а потом пойдёт искать Карину и велит накрыть в приёмной стол на всю стаю. Теперь Дэйнар надеялся, что Ромус ни о чём не спросит хотя бы до следующего совета.

Ему предстояло спуститься во двор, сесть в машину и весь день заниматься тем, для чего он действительно был нужен. Он мог это сделать. Уже взявшись за дверь, Дэйнар опять вспомнил, как чёрная волчица вышла из-под деревьев, и с досадой понял, что в этой сцене до сих пор каждый раз ждёт одного и того же. Сейчас она спустится к воде, и ему больше не надо будет уходить.

***

Лаира застала Тавера у отца в кабинете. Она пришла отдать лист с отметкой о вчерашнем грузе, который ей передали во дворе, и собиралась сразу уйти. Тавер стоял у стола, показывая

Ольверу на карте что-то выше брода. Лаира положила лист на свободный край стола и уже повернулась к двери, когда услышала, что на косе были чужие следы.

— Чьи? — спросил Ольвер. — Ты видел волка?

— Я утром вышел на камни снизу. Там свежий след и белая шерсть на ветке, которую принесло к рукаву. По запаху чужой, один.

— К нам перебрался? С той стороны мог уйти вдоль воды, под самым берегом.

Лаира прикусила щёку. Ей хотелось сказать, что он остался на косе. Она видела, как он стоял на камнях, и могла бы даже показать, где у него намокла лапа. Таверу пришлось спуститься к воде и смотреть на следы, а она могла ответить отцу сразу. Чудом успела вспомнить, что ни одному из них ничего не сказала о вчерашней пробежке к реке.

— У нас я его следа не нашёл. На косе походил до самой воды и ушёл назад.

— Тогда пусть ходит по камням, раз ему так нравится. Если увидишь на нашей стороне, узнай, зачем пришёл.

Ольвер свернул карту и передал дозорному лист, который Лаира принесла со двора. Тавер просмотрел отметку на полях и сказал, что вернёт бумагу, когда сверит её со списком у ворот. Лаира опять взялась за ручку двери. Дозорный вышел первым и только у самого порога оглянулся на неё.

— Если снова соберёшься к памятнику, там утром по броду можно было пройти посуху. Раз уж ты обещала предупредить меня, лучше скажи до смены.

— Сегодня за реку не собираюсь, — ответила Лаира. — Спасибо, что проверил.

Когда дверь за ним закрылась, альфа посмотрел на дочь. Лаире теперь надо было либо выйти следом, либо объяснить, почему она всё ещё здесь. Она подошла к окну. На дворе обмывали колёса после вчерашней дороги, и по стеклу двигалось яркое отражение воды. Можно было спросить, кто повезёт груз в следующий раз, или предложить помощь Ивене и улизнуть. Только ей с вечера не давал покоя один вопрос, а отец был рядом, и ещё вчера она спросила бы его о чём угодно.

— Тот белый у памятника так уверенно говорил про истинных, что я потом весь вечер об этом думала, — сказала она. — А если чёрная волчица и белый волк окажутся парой? По-настоящему, папа. Что им тогда делать?

Ольвер отодвинул кресло и встал. Лаира ожидала, что он рассмеётся над тем, куда её завёл вчерашний спор, однако отец посмотрел на неё с тем же вниманием, с каким минуту назад слушал Тавера. Ей стало страшно, что он сейчас спросит, с каких пор её волнуют белые волки. Она приготовила ответ про Илару и Арвиса и совсем не могла понять, куда деть руки, если придётся его произнести.

— Им придётся жить порознь, — сказал альфа. — Запрет для всех один.

— Даже если звери уже узнали друг друга? Им с этим как жить?

— Тяжело. Я тебе другого ответа не дам, Лаира.

Будь отец зол, она знала бы, где уколоть и какой вопрос заставит его повысить голос. Сейчас он признал, что кому-то придётся плохо, и всё равно сказал то, что Лаира боялась услышать. Ей хотелось понять, как можно сказать двум волкам, чтобы жили порознь, когда она простояла напротив белого несколько минут и теперь, даже стоя дома, могла до мелочи вспомнить, как он слушал её из-за воды.

— Сколько лет с тех пор прошло? — спросила она. — Почему мы всё равно должны жить так, как им тогда пришлось?

— Потому что у нас до сих пор помнят, какой ценой те семьи остались каждая при своих. Когда Рэйдан оказался среди белых, к нему на помощь пошли волки, у которых дома были дети. Ни один не вернулся. О них в нашем клане помнят без памятника.

— Они же пошли за Рэйданом. При чём тут волки, которые хотят жить вместе?

— Для тех, кто ждал их дома, всё началось именно с того, что один волк оказался среди чужих и его пришлось выручать. После той ночи попробуй скажи такой семье, что у реки бояться больше нечего. Я, пока жив, не стану обещать своим того, в чём сам не уверен.

Лаире захотелось спросить, а что, если чужой волк мог бы перейти к ним и сам остался стоять. Ольвер знал о следах на косе, и она ещё могла выдать это за случайное соображение. Только отец посмотрел бы ей в глаза, как смотрит сейчас, и она наверняка начала бы защищать волка, о котором, по её же словам, слышит впервые. Лаира промолчала. Нельзя было так жалеть того, кто вчера гнался за ней и от кого она сама решила сбежать.

— Ты сама ходила к белым, а я тебе сказал, по какой дороге можно сходить туда ещё раз, — продолжил Ольвер. — Соседям есть о чём говорить. И если завтра им нужна будет помощь у брода, наши пойдут. Ты про другое спрашиваешь.

— Да, про другое. Я поняла, что ты сказал.

Она знала, что ответила резче, чем собиралась. Ольвер подошёл к двери и задержался рядом, когда Лаира вернулась от окна. Она уже ждала, что сейчас он всё-таки спросит, почему её так задел этот разговор. Отец коснулся пальцем царапины на её щеке.

— Заживает, — сказал он. — Ивена утром хотела принести тебе мазь. Я сказал, что сначала лучше спросить тебя.

— Пусть оставит у себя. Если ещё полезу в кусты, сама к ней приду.

Она вышла и прикрыла дверь. В коридоре остановилась у лестницы и вдруг с такой ясностью вспомнила, как отец в детстве молча ждал, пока она сама расскажет, что натворила, что едва не вернулась к нему. Ей захотелось сказать всё про белого волка и хотя бы раз услышать от другого, что случившееся ей не привиделось. Отец бы поверил. В этом она как раз не сомневалась. А потом спросил бы, где искать того волка, и тут Лаира уже не сумела бы ответить так, чтобы можно было вернуться к их вчерашнему разговору за столом.

На крыльце она застегнула куртку и решила, что пойдёт верхней дорогой. До вечера ей хватало дел на этой стороне поселения, и первое из них она сама себе нашла. У Ивены с утра стояла сумка, которую следовало отнести матери Рена и Нива. Лаира забрала её и пошла в обход дворов. Там братья опять крутились у ворот, и на этот раз Нив держал брата за рукав, пока Рен выливал из ботинка воду. Лаира вручила сумку их матери и успела пересечь двор, прежде чем Нив окликнул её.

— Лаира, он сам туда полез! Я ему говорил, что там глубоко!

— Тогда помоги ему снять второй ботинок, — ответила она. — Если будете стоять на крыльце и выяснять, кто полез первым, он у тебя там примёрзнет.

Пока она смотрела, как Рен пробует стоять на одной ноге и не дать Ниву себя уронить, ей даже удалось посмеяться. Она вернулась домой верхним путём, потом ещё раз вышла и прошла вдоль дальних домов, где за деревьями нельзя было ни услышать воду, ни увидеть горы. К вечеру она уже считала, что вполне способна обойтись без реки. И всё же, когда обернулась под любимой сосной и пустилась по знакомой тропе, начала чутко прислушиваться к тому, что доносилось справа, где лес спускался к берегу.

Лаира прибавила ходу и побежала туда, где можно было долго идти прямо, пока не кончатся дома дальнего посёлка. По пути пересекла следы двух своих волков, узнала, где они сбились с шага, и обогнула тем же краем упавшую поперёк тропы ель. Она любила эту дорогу. Здесь можно было разогнаться на спуске, а потом одним махом вылететь на открытое место. Она пробежала его целиком и, добравшись до развилки, поняла, что всё это время знает, сколько отсюда до воды, если повернуть направо.

Белый волк мог быть сейчас где угодно. Вчера он, должно быть, ушёл к своим, и, может, там у него нашлось кому рассказать, что встретил чёрную, которая бросилась от него через весь склон. Вот ещё за что на него можно было разозлиться. Столько всего в рассказах помнили о том, как волк впервые подходит к истинной, а её волк успел только броситься следом. Выбрал

бы хоть миг, когда она стоит на месте. Впрочем, она сама потом вернулась к елям и вышла из-за стволов так, чтобы он её увидел. И сейчас стояла на развилке и всё ещё ждала, что справа донесётся звук его шагов.

Целый год ей снился чёрный волк. Во сне она знала, как к нему подойти, знала, что он подвинется, когда она ляжет рядом, и утром могла ещё долго помнить, как спокойно ей было с ним. Рядом с белым вчера тоже захотелось лечь. Она успела обрадоваться ему раньше, чем вспомнила про стаи, и теперь никак не получалось объяснить себе, почему сон так уверенно показывал ей одно, если наяву её волчица с первого же вдоха выбрала другого. По какой причине она должна верить сну? А если верить зверю, что делать с уверенностью, с которой она просыпалась после встречи с чёрным?

Лаира свернула направо. Ей нужно было увидеть воду и убедиться, что место осталось таким, каким было до вчерашнего дня. Камни, мокрые корни и коса, на которую уже начинало наносить ветки с верховья. Она пробежит вдоль берега и вернётся той дорогой, которую выбрала с самого начала. Если захочется остановиться, она остановится. И никого там, разумеется, не будет, потому что белому-то совершенно незачем второй раз приходить к чужому берегу.

Сверху она увидела косу раньше, чем успела спуститься под деревья. Он уже стоял на камнях. Лаира узнала, как он держит голову, пока смотрит в её сторону, и остановилась у края склона. Одного этого хватило, чтобы утренний ответ отца вспомнился дословно. Им придётся жить порознь. Она постояла, ещё способная повернуть куда угодно, и спустилась к реке по пологому выходу, который вчера показал ей Тавер.

На этот раз у воды она осталась. Белый поднял морду и посмотрел на неё через узкий рукав. Лаира знала, где можно ступить на камни, и видела, что он тоже оставил перед собой место, чтобы пойти дальше. Река у их лап была мелкая, и любой из них мог перебраться на ту сторону. Он стоял на косе, а она на своём берегу и смотрела на него, пока ещё хватало света, чтобы видеть его глаза.

Глава 4

Хальм ждал Дэйнара у машины и пил кофе из крышки термоса. У ног у него стояла сумка с инструментами, а в открытом багажнике лежали свёрнутый трос и две широкие доски, на которых ещё виднелись следы от снятых петель. Дэйнар узнал доски с ворот верхнего двора и остановился на крыльце. Вчера вечером он оставил их под навесом, решив, что весной из них можно будет сделать ступени у конюшни.

— С ворот снял? — спросил он. — Куда везёшь?

— К нижнему броду. Там у подхода берег съехал, — ответил Хальм и протянул ему термос. — Доброе утро, альфа. Кофе ещё горячий.

Дэйнар взял термос, а Хальм достал из кармана телефон и показал ему снимок. Край дороги обвалился в реку вместе с дёрном. Туда же свалилась молодая ольха и легла верхушкой поперёк съезда. Слева оставалось место, чтобы спуститься боком, и по отпечаткам копыт было видно, что кто-то уже попробовал провести там лошадь. След начинался у самого края и обрывался в грязи, которую нанесло за ночь.

— Лошадь цела? — спросил Дэйнар. — Кто полез?

— Герт. Цела, он спешился и вывел её обратно, — сказал Хальм. — Ребята с верхних дворов говорят, это спуск нижнего поселения и им его чинить. Нижние считают, что раз объезд нужен верхним, пусть верхние и берутся. Пока они выясняли, чья грязь, я нашёл четверых с обоих концов. Ждут нас у дороги.

— Тогда зачем тебе я? — спросил Дэйнар. — По снимку ты и сам всё решил.

— С нашего берега ольху можно утянуть на дорогу. А можно освободить спуск, отпилив верхушку, и пустить её вниз по течению, — сказал Хальм. — Нижние за второй способ. Там за поворотом у чёрных мостки. Я представляю, что они нам скажут, если выловят ольху у себя.

Дэйнар именно об этом и подумал, когда увидел, куда легли ветви. Хальм знал реку, успел собрать волков и приехал к альфе с двумя готовыми решениями. При этом у того, кто предложил отдать ольху течению, во дворе наверняка лежала катушка с тросом и нашёлся бы час, чтобы помочь. Дэйнар допил кофе и вернул термос, а когда Хальм захлопнул багажник, сел рядом с ним. До брода можно было добраться по дороге, которую они с Маритом вчера оставили открытой для дозора.

Нижний брод находился выше косы. Утром здесь пахло свежим срезом дерева и водой, пробравшейся под дёрн. Герт уже успел сходить за пилой, но стоял в стороне и спорил с братом, которому пришлось вести его лошадь домой. Остальные разошлись вдоль подъезда, проверяя, где земля держит вес. Дэйнар ступил на траву у колеи и увидел на противоположной стороне волка в тёмной рабочей куртке. Тот спустился к воде, принюхался, а потом поднял руку в знак приветствия. Дэйнар узнал Сарена. Они дважды встречались здесь по весне, когда чёрные снимали с опор своих мостков принесённые половодьем сучья.

— У вас сегодня кто-нибудь поедет через брод? — спросил Дэйнар, когда Сарен подошёл к отмели. — Мы будем тянуть дерево.

— Я успел завернуть машину с кормом на верхнюю дорогу. До обеда здесь никого не будет, — ответил Сарен. — На нашей стороне под водой ветка. Если потянете сейчас, она зацепится за камень и ольху развернёт.

Дэйнар спустился туда, откуда было видно основание ствола. Сарен оказался прав. Ветки, которая держала дерево, с берега Лунного Снега почти не видели, зато по расходившейся на воде ряби можно было определить, где она упёрлась. Если дёрнуть, корни пропашут остаток спуска. Хальм присел у колеи и примерил взглядом, куда можно будет положить доски, когда освободят дорогу. Возле него перестали спорить братья, и Герт, всё ещё в запачканных до колен брюках, понёс пилу наверх.

— Сарен, можно подойти к ветке с вашей стороны? — спросил Дэйнар. — Хальм пойдёт с пилой и вернётся через брод.

— Пусть идёт по камням у меня за спиной. Дальше вода по пояс, я утром сам проверил. А у вас пусть пока глушат машину. Отсюда я смогу крикнуть, когда пилу уберём.

Хальм даже не стал искать Герта глазами. Позвал, услышал ответ и пошёл навстречу, а через несколько минут уже перебирался по отмели, подняв пилу над водой. Сарен дождался его на середине и провёл к месту, где можно было встать на сухое. Дэйнару с его берега хорошо было видно, как Хальм уступил дозорному удобное место, чтобы тот показал, куда упирается ветка. Крикнуть через реку своё решение он тоже мог, а здесь слушал, пока Сарен не договорил, и задал один вопрос, после которого они оба взялись за дело.

Герт принёс конец троса и хотел спрыгнуть к корням. Дэйнар поймал его за локоть, когда земля под носком ботинка осела. Под травой осталась пустота, и волк, занятый деревом, её не заметил. Герт выругался себе под нос, а потом протянул трос альфе и сам пошёл отгонять остальных от края. Дэйнар обошёл промоину по воде и закрепил трос на стволе. Отсюда, из-под обрыва, в просвете между берегами была видна дальняя оконечность косы, где вчера стояла чёрная волчица по другую сторону рукава. Он видел её сверху, пока шёл к воде, и потом, когда она спустилась и из-за деревьев показались её лапы.

Утром на косе прибавилось веток. Ниже них сухой песок ещё хранил следы, которых с брода было не разобрать. Дэйнар поймал себя на мысли, что прикидывает, сколько времени понадобится, чтобы спуститься туда после работы. За ночь он несколько раз просыпался и каждый раз знал, на каком месте оставил чёрную. У него за эти годы хватало таких пробуждений после снов о белой волчице. Он мог встать, умыться и рассердиться на себя за то, что опять проснулся в пустой постели с уверенностью, что рядом кто-то был. Сегодня спросонья он знал и куда идти, и по каким камням переходить воду. От этого хотелось выругаться уже вслух.

Сарен окликнул их, когда ветка отошла от камня. Дэйнар вернулся на дорогу и поднял руку водителю. Машина повела ствол вдоль берега, ольха развернулась в воде и вышла корнями вперёд. Хальм успел вернуться, пока ребята отцепляли трос, и пошёл за досками вместе с Гертом. К тому времени оба брата уже работали с ним, не разделяя дорогу на верхнюю и нижнюю. Дэйнар спустился следом, прошёл весь съезд и нашёл у воды плотную полосу гравия, куда стоило отвести колею. Через старое место и пешему теперь было опасно ходить. Разницу в уровне хорошо видел волк, а водитель заметил бы её, когда переднее колесо повиснет над рекой.

— До вечера пустим здесь пеших и всадников, — сказал Дэйнар Хальму. — С машинами подождём, пока Герт привезёт щебень. Пусть у верхней развилки сразу поставят знак, чтобы люди зря не спускались.

— Я пошлю туда Тэна. Он утром приехал выяснять, чья очередь работать, теперь пусть объясняет, как мы поделили очередь. Доски оставим на новом подходе. Как подсохнет, заберу их тебе на ступени.

— Пускай лежат у брода, пока нужны. Скажи Сарену, что к вечеру его машину с кормом через верхнюю дорогу проведёт наш дозорный.

— Сам ему скажи, пока он здесь, — отозвался Хальм. — У него уже спрашивали, чего мы полезли на их берег с пилой. Пусть знает, что это от тебя.

Дэйнар подошёл к воде, когда Сарен смывал глину с сапог. Они договорились, где дозорный подберёт водителя, и Сарен ушёл к своим. Дэйнар смотрел, как тот уходит по пригретой солнцем стороне берега, где следы быстро высыхали. Ему ни разу не пришло в голову задуматься, из какой семьи Сарен или как выглядит его дом, хотя волк жил по соседству и всегда здоровался с ним при встрече. О чёрной волчице он хотел знать всё вплоть до того, почему она вчера столько времени стояла на открытом берегу, оставив и ему, и себе возможность приблизиться.

От брода сворачивала вниз узкая тропа. Хальм вышел на неё с мокрым тросом, чтобы стряхнуть глину, и Дэйнар поймал её запах, когда ветер принёс его с той стороны. Пахло мокрой травой, стёртой корой и застоявшейся между камней водой. Он мог пройти до косы по своим землям, и ни одному волку в стае не показалось бы странным, что альфа проверил реку после обвала. Ему самому ещё вчера такой обход показался бы хорошей отговоркой.

— Машину оставь мне, — сказал он Хальму. — Тебя Герт подбросит, когда поедет за щебнем?

— Подбросит. Мне тут есть чем заняться, — ответил Хальм, сворачивая трос. — Ключи в куртке на сиденье. Я твою дверь прикрыл, там песок летит с дороги.

Обратно Дэйнар выехал мимо знака, который Тэн взялся устанавливать на развилке. Потом свернул к верхним дворам, где у него оставалось дело с воротами, и по дороге позвонил Мариту насчёт вечернего обхода. Он знал, что будет делать до самого ужина. С наступлением темноты у альфы Лунного Снега обычно находилось время пробежать по своим землям.

***

— Если ты идёшь со мной, будешь работать, — предупредил Тавер. — Я тебя знаю. Скажешь, что решила прогуляться, а потом выяснится, что тебе на другой конец леса и мне туда якобы по дороге.

— Сегодня можешь вести меня хоть на дальний кордон, — ответила Лаира. — Даже обувь надела приличную. Смотри, ничего не промокает.

— Мимо кордона пройдём, если ты по дороге ничего не найдёшь. А сапоги я уже видел, когда ты в них срезала через ручей. Сушить потом будешь сама.

Тавер вышел из поселения после полудня, когда подвёз смену с дальнего поста и успел пообедать. Лаира догнала его у последнего дома. Утром она ещё собиралась сказать Ивене, что берётся за любое дело, какое та ей найдёт, но из окон дома альфы виднелась дорога к реке. Лаира успела два раза подойти к стеклу, пока завтракала, а на третий оделась и вышла, прихватив у двери тёплую жилетку. С Тавером можно было до вечера обходить северные тропы, где вода текла в обратную сторону. Главное, чтобы он не надумал спуститься на брод и посмотреть, что сделали белые.

За поселением Лаира расстегнула куртку и шла рядом с ним, пока по обе стороны дороги стояли старые сосны и под ногами лежала сухая хвоя. Потом лес пошёл под уклон, и Тавер приостановился у поваленной ели. У дерева проходили обычно с низкой стороны, где можно было перешагнуть через ствол и остаться на тропе. Сегодня здесь недавно ступил волк. На влажной коре отпечатались подушечки, а под ветвями виднелась земля, с которой он содрал мох при прыжке.

— Узнаёшь? — спросил Тавер. — Я его видел утром, он шёл домой с дальней смены.

— Вельт. От его куртки вчера пахло дымом, а сам он до сих пор пахнет так, словно ночевал у печки, — ответила Лаира. — Он прошёл после дождя. Тут под лапой сухо, хотя рядом капало с веток.

— А откуда он перепрыгнул ель? Покажи, где свернул с тропы.

В этом месте тропа расходилась. Одна ветка вела наверх к старым просекам, другая огибала вывороченные корни и шла к ручью. Лаира перебралась через ель, поднялась шагов на двадцать по сухому склону и нашла у можжевельника ещё один след. На верхней тропе всё читалось хорошо. Возле куста Вельт поставил лапу в рыхлую землю, потом отпихнул камешек, и тот скатился к Лаире под ноги, когда она задела его носком сапога. Она обернулась к Таверу и показала в сторону просеки. Тот остался у ели, где был виден след на коре.

— Сверху спустился. У можжевельника его лапа, можешь посмотреть. Я бы тоже пошла по сухому.

— А если я скажу, что он пришёл снизу? — спросил Тавер. — У можжевельника ты его след нашла. Этого я у тебя отбирать не собираюсь.

Лаира почувствовала, как начинает сердиться, и ещё раз принюхалась у куста. Вельт здесь точно был. Ещё можно было уловить запах его шерсти на веточке, которую он отогнул на ходу. Оставалось понять, зачем Тавер послал её искать, если уже всё выяснил сам, и почему она готова с ним спорить о направлении, едва взглянув на один след. Она ведь с детства могла сказать по примятой траве, в какую сторону бежал волк, а сегодня с охотой показала бы дозорному любую тропу, лишь бы он поскорее увёл её отсюда.

— Ты видел, как он шёл? — спросила она. — Или тоже по следу понял?

— По следу, — сказал Тавер. — Я с утра по этой дороге ещё не ходил. Хочешь, спущусь с тобой?

— Стой там, пока я сама не разберусь. Ты и так на меня уже смотришь, как на Рена, когда он вчера выливал воду из ботинка.

Тавер рассмеялся и отошёл к сосне, чтобы оставить ей проход. Лаира вернулась к ели и на этот раз проследила, куда на коре были направлены когти. Вельт прыгнул снизу, а то, что она приняла за место приземления, оказалось ямкой от задних лап, когда он оттолкнулся. У ручья след прятался под водой, зато на другой стороне сохранились две бороздки на глинистом спуске. Лаира прошла по берегу туда, где нижнюю тропу можно было увидеть из-за кустов. Там один из указателей обхода, прежде стоявший у промоины, торчал в земле на новом месте. Вокруг сохранились уже человеческие следы. Она повела носом и различила тот же запах дыма на дереве, где Вельт брался руками.

— Он спустился проверить обход, переставил указатель, а потом пошёл наверх, — сказала она, возвращаясь к Таверу. — Снизу на старую тропу уже так просто не выйдешь. Её подмыло, я видела, где край осыпался.

— Тогда на обратном пути глянем, куда он этот знак поставил. Мне завтра смену туда посылать, — ответил Тавер. — Далеко пришлось идти за следом?

— До ручья и обратно. Могла бы сразу посмотреть, куда у него лапы на коре смотрели, — признала Лаира. — Говори уже, что я тороплюсь даже там, где мне спешить некуда.

— Сегодня ты сама это сказала. Мне можно до завтра отдохнуть. Пойдём, там выше есть что посмотреть и без Вельта.

Выше они дошли до места, где после дождя съехало несколько камней и один лёг на изгиб дороги. Тавер сфотографировал его для старейшины ближайшего поселения, а Лаира нашла сбоку выход, по которому можно было провести лошадь, пока проезд не расчистят. Тропу здесь знала и она, и добрая половина стаи. Дозорный всё равно прошёл её с Лаирой до конца, потому что за сухим пригорком могло размокнуть второе низкое место. Под елями нашлось несколько глубоких отпечатков кабаньих копыт. Лаира остановилась посреди шага, вслушалась и определила, что зверя давно нет поблизости, хотя вчерашним вечером он должен был пройти здесь в то же время, когда она стояла у воды.

Ей нравилось обходить лес с Тавером. Он мог два часа идти без разговоров, а когда спрашивал, что она слышит, всегда ждал, пока действительно расслышит. Зимой он брал её с собой на участки, где даже Ольвер предпочитал оборачиваться, если приходилось идти в сумерках. Отец, сам альфа, учил её держать дорогу в голове по запаху и никогда не стыдиться вернуться, если ошиблась. Лаире сегодня хватило одного следа у можжевельника, чтобы принять желаемое за очевидное. И ведь с белым волком ей хватило первого вдоха. За весь день она придумала немало причин усомниться в том, что поняла в ту первую встречу, и ни одна не пережила вчерашнего вечера, когда он стоял по другую сторону рукава.

У дальнего поста Тавер собирался свернуть к домам, где его ждал сменщик. Лаира могла пойти с ним и вернуться на машине. Могла взять тропу вдоль сосен и за сорок минут добраться до главного поселения. С северной дороги домой она вышла бы у домов Каина и Ваира, увидела бы свет в окнах и успела бы подняться к себе задолго до ужина. На весь день она предусмотрела себе дело, а вот последние сорок минут оставила пустыми. И сейчас, пока Тавер передавал

её отцу через телефон, где потребуется расчистка, она уже смотрела на просеку, по которой можно было срезать вниз к реке.

— Домой вместе? — спросил Тавер, убирая телефон. — Через десять минут поедем.

— Я ещё пробегусь. До ужина доберусь, — сказала Лаира. — Вельту передай, что теперь знаю, кто переставляет мне в лесу указатели.

— Сама ему скажешь, когда увидишь. У него завтра смена у дальней просеки. Домой пойдёшь через низину, держись у елей. Тёмное место там уже прихватило, а под коркой вода.

Он спустился к посту и ушёл за изгиб дороги. Лаира дошла до просеки и по привычке отметила, что ветер потянул от гор, с открытой стороны. С таким ветром можно спуститься почти до самой реки и знать, кто идёт навстречу, задолго до того, как кого-нибудь увидишь. Вчера она уже обещала себе пробежать мимо, сегодня выбрала обход подальше, а теперь стояла посреди просеки и прикидывала, успеет ли дойти до любимой сосны, где оставляла одежду. Лаира могла повернуть домой прямо сейчас. До поворота на низину было шагов пятнадцать, и она прошла семь, прежде чем остановилась.

На этот раз ей хотелось подойти к нему. Вчера белый ни разу не ступил с камней, хотя она постояла у воды достаточно долго, чтобы он мог это сделать. Она ведь сама спустилась тогда с лесного склона и смотрела на него, пока ещё различала глаза. У неё была уйма времени уйти. Теперь оставалось хоть самой себе признаться, что хочет знать, как он поведёт себя рядом, когда между ними не будет воды. Лаира свернула к сосне и до самой развилки уже не придумывала, зачем ей понадобилось к реке.

К воде она выбежала волчицей, когда на косе осталась светлая полоска песка, а деревья на её берегу уже стояли в сумерках. Белого Лаира успела учуять на спуске. Он был там, где она надеялась его застать, возле камней в верхней части косы, и на этот раз лежал, вытянув передние лапы. Когда она вышла из-за ольхи, он поднялся и остановился. Ей нравилось, что он держится на месте и даёт ей спуститься. Можно было даже разглядеть, как шерсть у него на груди сбилась после бега и как он переступил на сухое, чтобы оставить ей выход с камней.

Лаира первой поставила лапу в воду. Камень оказался скользким, и она перенесла вес на другой, откуда удобно было прыгнуть. Белый отступил на два шага, к полоске плотного песка. Она перебралась через рукав, стряхнула с лап воду и оказалась там, где ещё вчера, с другого берега, разглядывала его следы. Теперь надо было самой решить, на каком расстоянии остановиться. Он ждал, и у неё получилось пройти оставшиеся несколько шагов без спешки, хотя с каждым вдохом всё труднее было представить, что она прибежала бы сюда, будь он просто красивым волком с чужого берега.

Его запах она уже знала, а вблизи сумела различить, где на шерсти осталась вода, где пристала пахучая хвоя и как близко под всем этим было живое тепло. Лаира вытянула шею и коснулась носом шерсти у него на щеке. Белый повернул морду чуть в сторону, позволив ей принюхаться, и провёл носом возле её уха. Она ожидала, что от первого прикосновения захочется шарахнуться, как в тот вечер, когда он рванул за ней. Вместо этого сама опёрлась плечом о его плечо и на несколько вдохов осталась рядом. Он стоял так крепко, что она могла бы навалиться всем весом, и от этой мысли ей вдруг захотелось проверить, сумеет ли его сдвинуть.

Она толкнула его плечом и отскочила, пока он успел только повернуться. Белый подался за ней, и Лаира припала на передние лапы, заметив, что он уже готовится прыгнуть. Она дождалась, пока он тронется, и бросилась вдоль воды. На твёрдом песке лапы почти не оставляли следов, а там, где берег уходил пологой дугой, можно было разогнаться. Лаира выбрала эту дугу и слышала, как он приближается. Когда до него осталось полшага, прыгнула через выброшенную рекой ветку и ушла в сторону. Белый перескочил ветку следом и проскочил мимо, потому что на полном ходу не сумел так же резко повернуть. Ей захотелось догнать его прежде, чем он сам за ней развернётся.

Он обежал россыпь камней и выскочил ей навстречу, а она нырнула в мелкую воду, обдала его брызгами и услышала у самого уха весёлое фырканье. Оказывается, его можно было заставить возиться в ледяной реке, если подойти совсем близко и тут же удрать. Она ещё раз брызнула в него и в этот раз сама попала под воду по грудь, когда он прыгнул рядом. Лаира выбралась на песок с мокрым брюхом, встряхнулась и посмотрела, как белый переступает по дну, высоко поднимая лапы. Он ещё не выбрался, а она уже знала, где подкараулит его и куда побежит, когда он примет вызов.

У берега она вдруг увидела камни, по которым перебралась к нему. Отсюда до леса несколько прыжков, и дальше можно уйти не оглядываясь. Надо было остановиться сейчас, пока белый в воде. Она сама сюда пришла, никто её сюда не гнал, значит, сама и уйдёт. Лаира выбрала камень, на который поставит лапу, и велела себе повернуть к нему. Волчица переступила прямо перед выходом из воды, заступила белому дорогу и ткнулась мордой ему под подбородок. Тот потёрся о её висок, а она, уже зная, что должна сделать, с удовольствием подставила ему другой бок.

Лаира снова потянулась мыслью к своему берегу. С места, где она стояла, виден был просвет между стволами. Туда. Сейчас. Волчица слышала белого совсем рядом, подалась за ним, когда он двинулся вдоль рукава, и побежала бок о бок с ним. Лаира знала каждый шаг, заранее видела, куда опустится лапа, и ничего не могла с этим сделать. Она теряла контроль над зверем, оставаясь в нём и слыша, как сама дышит. Когда белый свернул к сухой середине косы, ей следовало хотя бы попробовать замедлиться. А ей уже хотелось обогнать его и первой забраться на плоский валун у кустов, чтобы он снова оказался внизу и ему бы пришлось прыгать за ней.

Она взлетела на камень и едва успела развернуться. Белый вскочил следом, и на двоих места оказалось мало. Лаира соскользнула, зацепила его бок и приземлилась в сухую траву, где он лёг рядом на миг, достаточно долгий, чтобы она услышала его тяжёлое дыхание. Потом он опустил морду ей на лапы. Тепло его дыхания согрело лапы, и Лаира тихонько толкнула его носом, пробуя, станет ли он вставать. Он приоткрыл глаза и остался лежать. Она могла оставить его в покое, но захотелось снова увидеть, как он одним движением вскакивает на все четыре лапы. Она ухватила зубами шерсть у его щеки, отпустила и отскочила. Белый вскинулся так, что из-под него полетела сухая трава.

Теперь он подкараулил её у камней. Лаира собиралась выскочить на открытое место, увидела перед собой белые лапы и рванула под куст, где ему пришлось пригнуться. Ветки отогнулись над его спиной, и он опять почти её настиг. Она сменила ход, подпустила его к плечу и на другом конце косы сама остановилась, чтобы он в неё не врезался. Он успел затормозить. Песок шуршал у них под лапами, пока они дышали друг другу в морды, а Лаира чувствовала, как тянет мокрую шерсть на боку и как хорошо стоять рядом с ним, разгорячённой, растрёпанной и с песком на языке. Ей захотелось, чтобы он увидел её такой и завтра.

Эта мысль застала её на месте, когда уже не надо было ни уклоняться, ни догонять. Лаира посмотрела в его глаза. В сумерках она видела, что он разглядывает её с того же близкого расстояния, и могла стоять так долго. Вот теперь-то ей особенно хотелось взять себя в руки. Утром она проснётся у себя, услышит, как Ивена первым делом открывает окна внизу, и встретит отца за столом. Ольвер сказал бы ей всё то же самое, если бы сейчас увидел, где она стоит. Им придётся жить порознь. И что она скажет ему сама? Что собиралась остановиться и вместо этого целый вечер гоняла по косе белого волка, которого её зверь успел выбрать за одну встречу?

Она хотела отойти хотя бы на шаг и проверить, сможет ли взять верх, когда стоит на месте. Даже привстала, готовясь перенести вес назад, но волчица придвинулась и уткнулась ему в шею. Лаира знала, как это бывает, когда сама даёт зверю волю. Она могла позволить себе бежать с горы во весь опор, могла по дороге к дому поваляться в траве, могла с ходу броситься в сугроб, если ей этого хотелось. И всегда могла развернуться, услышав с дороги оклик. Сейчас она ясно подумала, что хочет отступить, а её волчица подставила белому шею

и стояла так, пока он касался мордой мокрой шерсти. Лаиру испугало, что она способна так отчётливо думать и всё равно не может заставить себя отойти. А потом белый отпрянул и низко припал на передние лапы, и первой её мыслью стало, что теперь уж она ему покажет, как надо ловить волчиц.

Она пошла на него прямо, свернула в последний миг и тёрлась о его бок, пока оба выворачивались на песке, каждый стараясь перехватить другого. На этот раз далеко не побежали. Белый держался так близко, что ей стоило повернуть голову, и она доставала до его шеи. Он уже несколько раз касался её зубами в игре, и она сама могла прихватить его и отпустить, когда он подставлял плечо. Теперь она прижалась к нему всем боком и почувствовала его пасть у основания шеи. Кожа под шерстью вдруг запекла. Лаира вздрогнула, упёрлась грудью в его грудь и сама сомкнула зубы там, где тёплая шерсть на его шее становилась гуще. Белый остался с ней, пока она держала, и оба разжали пасти, когда перестали толкаться.

В шее саднило, как бывает после царапины, если в неё набилась мокрая шерсть. Лаира потёрлась об него щекой и постояла рядом, приходя в себя после бега. Ей нравилось слышать, как он дышит, и она ещё раз провела носом по его шее. Оттуда пахло им и совсем немного кровью. Она запомнила, где прихватила его зубами, а потом прижалась лбом к его плечу, потому что белый повернулся к ней и так было удобно стоять. До чего же ей было хорошо с ним здесь, на песке, где теперь лежали вперемешку их следы. Даже отойти к воде, чтобы напиться, захотелось вдвоём.

Он пошёл рядом. У рукава Лаира опустила голову, сделала несколько глотков и увидела перед собой первый из камней, по которым пришла. На берегу уже почти не различала сосны. Скоро Ивена начнёт искать её по дому, если на кухне всё готово, а отец вернётся со встречи со старейшиной. Она поставила лапу на камень и на этот раз сумела перенести на него вес. Белый остался там, где стоял, и она задержалась посреди рукава, оглянулась и увидела, что он смотрит ей вслед. Ей дико хотелось вернуться и лечь рядом с ним. В глубине леса один из своих волков подал голос, и Лаира узнала далёкий дозорный зов. Она перебралась на берег, выскочила под деревья и побежала к дому.

У сосны ей пришлось немного постоять, прежде чем обратиться. Лапы ещё помнили, как на бегу приходилось подбирать шаг возле камней, и сердце колотилось от последнего подъёма. Вернувшись в человеческое тело, она села у ствола, чтобы натянуть брюки, и заметила, что дрожат пальцы. Куртка была холодной с изнанки, а волосы у шеи прилипли к коже. Лаира собрала их и заправила под ворот, нащупала в кармане телефон и пошла к дому, где над дверями уже горел свет. До крыльца ей удалось думать о том, что можно было бы сказать отцу про сегодняшний обход, если он спросит. Про Вельта, про новый указатель, про камень на дороге. Для того, чтобы рассказать про белого, ей требовалось сперва самой понять, как она умудрилась дважды приказать себе уйти и оба раза кинуться играть с ним дальше.

В доме альфы было тепло, и ворот куртки начал царапать кожу на каждом шаге. Лаира расстегнула его уже наверху и сняла жилетку, собираясь бросить её на кресло. Ткань задела шею у плеча, и она поморщилась от жжения. Наверное, всё-таки царапнула ветка, когда она лезла под куст. Лаира потянулась к шее, почувствовала под пальцами припухлость и пошла в ванную, где у зеркала можно было включить яркий свет. Она стянула рубашку с плеча и отвела волосы, ещё уверенная, что сейчас увидит длинную царапину, от которой Ивена опять предложит свою мазь.

На коже темнели следы зубов. Чётче всего остались два, у самого перехода от шеи к плечу, и вокруг них проступил красный край. Лаира коснулась одного пальцем и вспомнила, как белый держал её за шею после игры. Как сама вцепилась в него и как он стоял, пока она не отпустила. Перед глазами опять встало его плечо, белая шерсть, смятая её зубами, и он сам, задержавшийся рядом, когда можно было отойти. На косе ей хотелось прижаться к нему ещё раз, и за этим желанием она даже не спросила себя, отчего у неё саднит шея.

Они поставили друг другу метки. Она всмотрелась в следы ещё раз в нелепой надежде, что вот сейчас повернёт плечо под другим углом и увидит заурядный укус, тот самый, каким волки награждают друг друга, когда в игре перестают рассчитывать силу. На косе белый мог задеть её зубами десяток раз. Он держал её один раз, и она сама ответила ему так, как отвечают друг другу истинные. В этом месте у него под шерстью сейчас тоже наверняка была метка. Лаира могла вспомнить даже, как потом искала носом то самое место, опираясь лбом о его плечо.

Когда ей было лет двенадцать, она услышала от Ивены про волчицу, которая приехала в стаю к мужу из дальнего поселения и целое лето ходила в рубашках с высоким воротом. Маленькая Лаира спросила, зачем прятаться, если муж и так её муж, и Ивена тогда сказала, что прежде волчица принадлежала только себе и ей просто привыкнуть надо, что остальным теперь всё видно. История понравилась Лаире, но лицо той женщины она никогда не видела. Ещё она помнила пожилого волка, которому приписывали такую пару. Пока Лаира решалась спросить, откуда это известно, оказалось, что говорившие сами слышали рассказ от его брата и метку ни разу не видели. За девятнадцать лет она так и не встретила пары, которую могла бы назвать с уверенностью. И сейчас наклонилась к зеркалу ещё ближе, потому что свою метку ей предстояло научиться прятать уже сегодня.

За дверью послышались знакомые шаги. Ивена подходила по коридору с той стороны, где была лестница, и Лаира расправила рубашку на плече, прежде чем шаги остановились. Ткань была тонкой, в вырезе ещё виднелся край укуса. Она застегнула верхнюю пуговицу и проверила в зеркале, какая полоска кожи осталась открытой, если выпрямиться.

— Лаира, ужин готов. Отец уже за столом, — позвала Ивена из коридора. — Спускайся, пока горячее.

— Сейчас приду. Я только переоденусь, — ответила Лаира и подождала, пока Ивена уйдёт к лестнице. Она вынула из шкафа плотную тёмную рубашку и распустила поверх воротника волосы, чтобы даже при повороте головы ничего не было видно. Потом попробовала расстегнуть верхнюю пуговицу, как носила всегда, и увидела в зеркале край метки. Пришлось застегнуться до горла. Внизу отец отодвинул стул, и Лаира пошла к нему ужинать.

Глава 5

Дэйнар обнаружил метку, когда дома стянул рубашку и из рукава на пол посыпался песок. Он собирался смыть его с шеи, где до сих пор тянуло кожу, и спуститься поужинать. В зеркале над раковиной были видны две тёмные точки у плеча и красный след между ними. Дэйнар подался ближе и задел коленом дверцу шкафа, которую оставил открытой. Рубашка упала у ног, а он всё стоял перед зеркалом, держа руку над плечом и боясь дотронуться до того, что уже разглядел.

На косе он помнил её зубы. Ещё помнил, как чёрная перестала вырываться из-под его морды и сама прижалась к нему, как у неё под шерстью ходил бок после бега. Она прихватила его за шею, а он стоял и ждал, пока она отпустит. Потом ей вздумалось положить лоб ему на плечо, и Дэйнар так обрадовался, что она осталась, что о зубах больше не думал. По дороге домой ему даже хотелось посмеяться над собой. Добегался, взрослый волк, до того, что на подъёме ему пришлось сесть и дождаться, пока перестанет высовываться язык.

Он коснулся метки и от жжения сразу убрал руку. Захотелось вернуться и найти её сейчас же, пока он ещё помнит, как она смотрела с камня посреди рукава. Теперь он знал, зачем она перешла к нему. Мог вспомнить, как сам отступил, освобождая ей место, и как она по своей воле прошла всё расстояние, которое он оставил. Дэйнар вырос среди волков, которые считали удачей за всю жизнь увидеть, как встречаются истинные. Он столько лет ждал волчицу, а она пришла к нему, повалила на песок и оставила то, с чем он теперь будет просыпаться каждое утро. На несколько секунд от этой мысли стало так хорошо, что он улыбнулся своему отражению.

В дверь спальни постучала Карина. Дэйнар услышал её ещё на лестнице, но только теперь сообразил, что оставил дверь ванной распахнутой и из коридора при желании можно увидеть всё зеркало. Он ступил за перегородку. Там на крючке висела одежда, которую снял утром, и он дотянулся до свитера с высоким воротом, пока Карина снова стучала.

— Альфа, вы будете ужинать? Элина говорит, до восьми вас ждать незачем, а уже девятый час.

— Спущусь через минуту. Передай Элине, что я и сам отлично знаю, до скольких меня незачем ждать.

— Вот и передайте ей сами. Она мне с утра говорит, чтобы я перестала кормить вас отдельно ото всех, — отозвалась Карина. — На кухне поедите? В столовой я уже убрала.

— На кухне. Только садитесь обе тоже, если вы ещё без ужина.

Карина ушла, и Дэйнар остался в свитере, держа ворот пальцами под самым подбородком. Пришлось снять его и проверить, не сдвинется ли мягкая ткань, если наклониться к столу. Он переоделся в рубашку поплотнее и застегнул её до горла. В доме было тепло, а на кухне у плиты он наверняка взмокнет через пять минут. Лучше вспотеть и выслушать Элину, чем начать объяснять ей, где он так удачно поранился, пока она рассматривает следы зубов.

Элина, пожалуй, сначала обрадовалась бы. Выругала бы его за то, что стоял перед ней и до сих пор ничего не сказал, и тут же захотела бы узнать, когда волчица придёт в дом. Такие новости в поселении обычно успевали сообщить родным, прежде чем они доходили до альфы. А если метку увидят на самом альфе, кто пойдёт спрашивать у него, можно ли говорить? Дэйнар представил, как на ближайшем совете кто-нибудь из старейшин поздравит его при всех, и как Ромус, сидя рядом, повернётся к нему. За поздравлением будет самый простой вопрос на свете. Чья она? На него полагалось ответить, если ты в самом деле собираешься привести волчицу домой.

Даже себе он мог ответить только «из Ночного Леса». Не знал её имени, никогда не слышал её голоса и понятия не имел, есть ли у неё кому рассказать, почему вернулась с реки в тем-

ноте. В голове на секунду возникло лицо девушки у памятника, и Дэйнар со злостью вспомнил, что у него уже была одна встреча, после которой он остался без имени. Та, по всему судя, тоже чёрная. Он видел вблизи её глаза, видел царапину на светлой щеке и вполне мог бы обойтись этими сведениями, если бы всё ещё не хотел с ней поговорить. А теперь у него под рубашкой метка от другой волчицы из той же стаи. Да что на него нашло? Он годами знал чуть ли не по именам всех, с кем соседи посылали договариваться о дорогах, и жил совершенно спокойно.

На кухне Элина разогревала ему ужин. Карина села за край стола с чаем, а у её локтя стояла тарелка с двумя кусками пирога. Дэйнар выбрал стул, с которого можно было видеть двор, и понял, что без причины ищет место, где на него будет падать поменьше света. Элина поставила перед ним тарелку, понюхала воздух и посмотрела на его рукава. Дэйнар успел подумать, что от рубашки, наверное, всё равно пахнет рекой.

— В передней под вашими ботинками лужа, — сказала она. — Вы их туда сушиться поставили или мне подарили?

— Переставлю, когда поем. Я думал, с них уже всё стекло.

— С ваших до утра капает, а потом Карина в носках в лужу встаёт, — сказала Элина и села напротив. — Вы сегодня опять у брода были? Хальм прислал сказать, что Герт довёз щебень, но с утра нужно проверить съезд, пока туда машины не полезли.

— С утра проверим. Пусть сегодня никто к броду больше не едет, если и так всё сделали.

— Это вы Хальму скажите. Он здесь был, а вас, как назло, не было, — ответила Элина. — Пирог возьмите, если Карина оставит.

Карина придвинула тарелку к нему, и Дэйнар взял кусок руками. Они заговорили о Герте, который привёз щебень в прицепе, а потом полчаса искал по дворам, у кого взял лопату. При другом случае Дэйнар бы и сам вспомнил, что лопата была Хальма, и отправил Герту сообщение. Сейчас он услышал только первые два слова, прежде чем опять подумал о чёрной. Волчица ушла сама. Когда она остановилась среди воды, он мог последовать за ней, но по её берегу уже перекликался дозор, и Дэйнар остался на песке. Он ещё тогда хотел, чтобы она оглянулась. Завтра, если увидит её, ему будет трудно стоять так же смирно, даже если она снова останется по ту сторону.

— Пирог можно было и на тарелку положить, — заметила Карина. — Посмотрите, сколько крошек у локтя.

— Сейчас соберу. Оставь мне ещё один кусок на утро, если будешь убирать.

Он доел и отнёс тарелку к мойке. На выходе из кухни Элина всё-таки напомнила про ботинки, и Дэйнар убрал их с прохода, стёр тряпкой воду и запер дверь. Оказавшись на лестнице, он нащупал через ткань верхнюю пуговицу. Мог бы сейчас распахнуть дверь, пробежать вниз и попытаться разыскать чёрную. Он всё ещё знал, где она сошла с камней, и ветер дул в ту же сторону. А утром Элина нашла бы его ботинки сухими там, где он их оставил. Дэйнар представил, как это легко устроить, и поднялся к себе, не расстёгивая рубашку, пока не закрыл дверь спальни.

***

Ольвер сидел за столом с телефоном, на котором была открыта фотография съехавшего с дороги камня. Лаира узнала снимок Тавера по обломанной сосне на краю. Сам камень на экране казался вполне подъёмным, а в лесу Тавер попробовал толкнуть его ногой и только содрал грязь с одного бока. Лаира села напротив отца. Обычно она садилась ближе, чтобы можно было заглядывать через его плечо, теперь же ей хотелось, чтобы между ними оставался весь стол.

— Тавер говорит, лошадь можно обвести сбоку. Ты прошла до самого выезда? — спросил Ольвер.

— До выезда и ещё дальше, до поста. К утру подсохнет, если больше не польёт, — сказала Лаира. — А если польёт, всё равно придётся слезть и вести в поводу. Там копыта разъезжаются на хвое.

— Тогда пошлю туда кого-нибудь с воротом и уберём камень. У ближнего ручья Вельт, говорят, перенёс указатель и тоже оставил проезд сбоку.

— У ручья проезд подмыло ещё ниже. Я туда спускалась по его следу, — возразила Лаира. — Там сверху всё выглядит прилично, а внизу под корнями уже нет земли. Если вести коня, нужно брать выше и выходить за елью.

Ольвер протянул ей телефон. Другой снимок, сделанный у ручья, показывал промоину сбоку, и на нём тоже трудно было понять, что случилось с тропой. Лаира увеличила изображение и увидела край таблички с белой стрелкой. Вельт поставил её лицом к тому, кто спускается от главного поселения. Если новый путь за елью годится для смены, они с Тавером утром проверят, куда она выведет волка, который подходит с противоположного конца. Она хотела объяснить отцу, где видела обвалившийся край, и по привычке встала, чтобы перебраться к нему со снимком. Воротник коснулся шеи, и Лаира села обратно.

— Вот здесь, под елью. Там с моей стороны было видно, что корни висят, — сказала она и повернула телефон к нему. — Я пройду утром ещё раз, если Тавер идёт туда.

— Он идёт. Только сначала взгляните на подход с дальнего поста, — ответил Ольвер. — Когда меняется смена, половина волков спускается с той стороны. Тебе во сколько удобно?

— Как Таверу. Я всё равно собиралась утром выйти.

Ивена принесла запечённую рыбу и спросила, ставить ли на стол овощи, если Лаира опять будет выбирать из них один картофель. Лаира сказала, что сегодня возьмёт всё, и потянулась за тарелкой. Оказалось, что она страшно проголодалась. От запаха рыбы свело живот, и на первые несколько минут она забыла, что сидит в рубашке, которую надела бы разве что на семейный обед у старейшины. Отец ел рядом, иногда поглядывал на телефон и говорил с Ивеной о том, кому оставить ключи от гаража утром. Лаира слушала их и впервые за вечер смогла подумать, что успеет поужинать и уйти к себе без всяких происшествий.

— После обхода сразу домой пошла? — спросил отец. — Тавер написал, что ты с ним до поста дошла, а потом вернулась одна.

— Я ещё пробежалась. Через лес, — сказала Лаира и поддела вилкой картофель, который вовсе не собиралась есть. — К ужину-то успела.

— Успела, — согласился Ольвер. — В следующий раз напиши, если уходишь после сумерек. Я тогда дождусь тебя с горячим и ужинать сяду попозже.

Он снова взялся за рыбу, а Лаира держала вилку над тарелкой и думала, как легко ей было бы сейчас сказать ему «я была на реке». Она и так говорила ему про памятник. Отец объяснил, какой дорогой можно добраться туда в следующий раз, и даже не потребовал обещания, что она туда больше не сунется. Если бы речь шла о вечернем беге, она сказала бы, где была, и, возможно, услышала бы, до каких камней вода поднялась за день. Сейчас у неё за подкладкой куртки, наверное, ещё лежал песок с косы, а за двумя верхними пуговицами было то, о чём ей хотелось спросить совета именно у отца.

Она могла бы узнать, как долго метка саднит, если ни разу её не трогать. Могла узнать, у кого Ольвер видел такую и как тот волк понял, что больше не сможет жить так, как жил раньше. Но задавать отцу ещё один отвлечённый вопрос о смешанных парах после вчерашнего разговора способна разве что дурочка, которая надеется, что у альфы Ночного Леса разом отказали память и чутьё. Лаира положила картофель обратно на тарелку. Её вдруг охватила такая злость на запрет, что она чуть не сказала всё из одного упрямства. Пусть отец спросит, кто её волк. Ей даже врать об имени не придётся.

Ивена вернулась за пустым блюдом, и Ольвер убрал свой телефон, чтобы освободить ей место. В кармане у него завибрировал второй звонок за вечер. Он дождался, пока Лаира

доест, и только тогда посмотрел, кто звонит. Так же он делал, когда она в детстве пыталась пересказать ему целый день разом и могла полчаса держать его за столом. Лаира знала, что отец выслушал бы её и сейчас. Именно его слова про то, как им придётся жить порознь, она услышала бы потом, когда смолкла бы сама. А за сегодняшний вечер ей уже дважды пришлось проверять, сумеет ли она уйти от белого, когда захочет.

— Ты чего сегодня такая нарядная? — спросила Ивена, забирая у неё тарелку. — Я думала, ты эту рубашку отдала вместе с теми, из которых выросла.

— Я её оставила. Удобная, рукава не мешают, — сказала Лаира и взялась за стакан с водой, чтобы случайно не поправить воротник.

— Тогда хоть раз носи её с удовольствием. Сидишь, как на фотографии к выпуску, — заметила Ивена. — Встань уже, если доела. Я тут сама.

Лаира встала и отнесла свой стакан на кухню. На обратном пути отец спросил, не мёрзнет ли она после бега, и Лаира сказала, что наверху окно открыто и там она как раз собиралась переодеться. Он велел прикрыть окно на ночь, если ветер пойдёт с гор. Потом наконец ответил на звонок, а она поднялась по лестнице, стараясь идти с той же скоростью, с какой спускалась к ужину. До своей комнаты так и не дотронулась до пуговиц, хотя теперь ей казалось, что края воротника успели протереть кожу насквозь.

У себя Лаира распахнула рубашку и села на край кровати. Теперь можно было ходить хоть с открытыми плечами, и всё равно ей хотелось время от времени поглядывать на дверь. Она подумала, что белый, может быть, сидит сейчас у себя и точно так же прислушивается, пока кто-то из его семьи разговаривает за стеной. Он мог обнаружить метку раньше неё или до сих пор считать, что они всего лишь славно набегались. В последний раз она видела, как он стоит у рукава, уже весь серый в сумерках. От воспоминания о том, как ей хотелось тогда развернуться, Лаира подтянула ноги на кровать. Сегодня она больше не пойдёт к реке даже в мыслях. И всё же окно закрыла не до конца, чтобы слышать, если за домами кто-нибудь подаст голос.

***

К девяти утра Ромус успел проехать северной дорогой, завернуть к новому съезду на броде и забрать у Хальма список тех, кто работал там накануне. В приёмной он положил этот список перед Дэйнаром и ткнул пальцем в имя Герта. Из кармана его куртки пахло яблоками. В детстве Дэйнар по этому запаху безошибочно определял, когда старейшина приезжал из дома и когда ночевал в главном поселении. Сегодня ему хотелось, чтобы Ромус поскорее снял куртку и сел. Тогда между ними будет стол, да и смотреть они оба смогут на бумагу.

— Герта возьму на дальний обход, если ты его уже никуда не поставил, — сказал Ромус. — Обе дороги знает, а в темноте он там и волком найдёт, где выведет к жилью. У Марита после смены завтрашнее утро хотя бы останется свободным.

— Герт сегодня обещал сестру отвезти в нижнее поселение, — сказал Дэйнар. — Она с ребёнком. Если он снова перенесёт, ей придётся ехать с тем, кто повезёт утренний хлеб, а прицеп у пекаря открытый.

— Когда он это обещал? У брода мне ни слова не сказал.

— Вчера. Ты его попросил, и он тебе, скорее всего, ответил, что пойдёт, — сказал Дэйнар. — У него с самого детства так. Предупредит сестру последней, когда ей останется только ругаться.

— Вот пускай она его и отучает, — ответил Ромус, но пометку у имени Герта зачеркнул. — Тогда кого дашь? Если мне сегодня опять выходить с Маритом, я к себе до завтра не попаду.

Дэйнар придвинул расписание. Брант оставил на полях две пометки о тропах, которыми можно было срезать обратный путь. Если отправить на дальний край волка с северного поселения, Марит мог бы встретить его наверху, довести до обхода у реки и вернуться к себе по нижней дороге. Дэйнар показал старейшине, где они разойдутся. Ромус взял карандаш, про-

длил одну из линий за сгиб бумаги и назвал имя волка, которого может прислать. Не пришлось забирать Герта у сестры и держать Марита на ногах две ночи подряд. Оставалось связаться с обоими, прежде чем они сами успеют кому-нибудь пообещать выйти.

Пока Ромус звонил к себе, Дэйнар подошёл к окну и открыл форточку. В кабинете сильно натопили. Он чувствовал, как под рубашкой нагрелась кожа, и по привычке хотел расстегнуть пуговицу, прежде чем вспомнил, зачем застегнул её утром. С улицы пахло мокрой древесиной. Во дворе Марит снял с кузова машины две лопаты, а третью оставил и громко велел кому-то из ребят перестать носить чужое добро по всему поселению. Дэйнар улыбнулся. Вчера он мог бы выйти к Мариту в чём угодно, показать ему хоть разодранное плечо и услышать в ответ, что надо меньше лазать по кустам. Сегодня он стоял в трёх шагах от открытого окна и уже прикидывал, с какого угла его видно снизу.

Ромус закончил разговор и достал яблоки. Одно положил рядом с расписанием, второе оставил себе. Дэйнар вернулся к столу. Старейшина вынул складной нож, разделил яблоко пополам и выбрал семечки кончиком лезвия. Он всегда оставлял Дэйнару целое, хотя тот давно вырос и мог сам дойти до кухни за чем-нибудь к чаю.

— В субботу к нам из дальних дворов приедут семьи, — сказал Ромус. — Я тебя звал на обед. Ты так и не ответил, приехать сможешь?

— Смогу. Скажи только, во сколько, чтобы я не появился к самому концу.

— К двум. И если есть кого взять с собой, бери. Я жене скажу, она рядом с тобой место оставит.

Дэйнар поднял глаза на старейшину. Тот спокойно ел яблоко и ждал ответа. Несколько дней назад альфа отшутился бы, спросил, не обещала ли жена Ромуса рассадить холостых волков по росту или по старшинству, и на том бы закончили. Сейчас он представил, как привёл бы к ним чёрную, если бы мог. Вошёл бы с ней во двор, подождал, пока она сама поздоровается, а там Ромус подошёл бы к ним навстречу. Дальше Дэйнар мог вообразить только то, как старейшина смотрит на незнакомую волчицу. Ему захотелось убрать со стола приглашение, которого там не было.

— Одно место оставьте, — сказал он. — Я приеду к двум.

— Послушай, я тебе предлагаю приехать на обед. Искать, кого с тобой рядом посадить навсегда, я жене не поручал, — ответил Ромус. — Но за столом обязательно спросят, держишь ли ты слово, которое дал совету. Лучше ты будешь там и сам ответишь.

— Слово я держу. Отцу его давал, помню и без совета.

— Вот так и скажи им, если спросят. Мне повторять необязательно.

Ромус сложил нож и допил чай. Дэйнару хотелось спросить, что бы он сделал, если бы его пара оказалась чёрной. Достаточно было поставить вопрос иначе, без всяких «если бы». Например, вспомнить какую-нибудь старую историю и спросить, известен ли Ромусу хоть один волк, который пытался спорить с запретом. Старейшина знал его слишком давно, чтобы проглотить вопрос целиком и полюбопытствовать только о том, какую именно историю тот вспомнил. Дэйнар взял яблоко, откусил и спросил вместо этого, по какой дороге удобнее будет подъехать к субботе. Ромус объяснил, и они вышли вместе.

Во дворе их встретил Марит. Он уже поставил лопаты под навес и пришёл забрать расписание. Дэйнар объяснил, кого Ромус пришлёт на подмену, а Марит спросил, кому завтра показать спуск у памятника. Один из волков просился пройти там со сменой, пока не откроют верхний подъём, и знал дорогу только до постамента. Дэйнар сказал, что туда лучше отправить кого-нибудь, кто уже выводил людей снизу. Марит предложил сходить сам, и старейшина согласился подождать у ворот, пока они договариваются.

От слова «памятник» Дэйнар сразу вспомнил незнакомку. Как она сказала, что спорить начал первый встречный, и как ему пришлось отвернуться, чтобы не улыбаться у неё на глазах. У неё хватило наглости прийти на землю белых и спросить у первого же волка, на каком осно-

вании его стая решила, кто убил Илару. Ей едва ли исполнилось двадцать, если он правильно угадал возраст, и прежде он скорее спросил бы, знают ли дома, где она ходит. Вместо этого сам крикнул ей вслед, когда она уже уходила. С тех пор несколько раз ловил себя на том, что с удовольствием услышал бы, как она ещё раз назовёт его первым встречным. Дэйнар поначалу решил, что это из-за спора. Он и теперь прекрасно помнил её вопрос про Илару, хотя с куда большей охотой узнал бы, как она смеётся, когда у неё нет причины сердиться.

— Марит, ещё вот что, — начал Дэйнар и в ту же секунду увидел, как дозорный повернулся к нему, готовый выслушать распоряжение. Ромус у ворот уже доставал ключи от машины, рядом по дороге шли двое из стаи, и ни одному из них не пришло бы в голову удивиться, если бы альфа велел узнать, кто ходит к памятнику с чёрного берега. К вечеру он мог знать её имя. Может, даже услышать, что она из семьи, с которой его волки договаривались у брода.

— Это на завтра или сейчас передать? — спросил Марит. — Я ещё успею перехватить утреннюю смену.

— Сейчас. Скажи им, чтобы посмотрели новый съезд, когда будут возвращаться через брод, — ответил Дэйнар. — Если щебень нигде не пополз, уберём знак с развилки.

Марит ушёл к машине, а Дэйнар остался у ступеней. У незнакомки было время сказать ему имя. Она прекрасно его слышала и решила, что с него хватит ответа про дорогу. Если опять встретятся, он спросит сам и посмотрит, что она на этот раз придумает. Дэйнар сунул руку в карман, нащупал ключи и вдруг понял, что опять улыбается. Под воротником потянуло кожу, стоило повернуться к Ромусу. Он проводил старейшину до ворот и пошёл обратно в дом, ни с кем больше не заговорив о памятнике.

***

Со стороны дальнего поста стрелки видно не было. Лаира миновала орешник, дошла до места, где под корнями осыпалась земля, и только тогда заметила белый угол таблички. Тавер ждал её выше, на сухом краю тропы, и оттуда наверняка видел и табличку, и весь путь от ручья. Лаира помахала ему рукой, чтобы спустился туда, где стояла она. Он пошёл напрямик и сам едва не поскользнулся на косом корне.

— Вот теперь скажи, куда отсюда идти, если ты приехал с дальнего поста, — сказала Лаира. — До стрелки ещё шагов десять. Пока её заметишь, уже успеешь по старой тропе влезть под ель.

— Вельт ставил её для тех, кто идёт сверху. Им видно заранее, — сказал Тавер. — Ты предлагаешь повернуть её к ручью?

— Я предлагаю одну оставить здесь, а другую поставить до корня. Можешь взять у меня куртку и повесить на куст, если табличку забыл.

— Это которая чистая? Ты её пожалей хотя бы до обеда, — ответил Тавер. — У Вельта в сумке есть вторая. Он сейчас вернётся, я за ним послал.

Лаира носила куртку расстёгнутой, потому что под ней был тёплый свитер. Ворот у свитера она подвернула внутрь так, чтобы мягкий край лёг между шерстью и меткой. Волосы она оставила распущенными, и ветер то и дело бросал пряди ей на глаза. Когда шли через кусты, Тавер предложил ей резинку, которую нашёл в кармане. Лаира отказалась, а потом два раза подряд зацепилась волосами за ветки. Теперь она убрала их под куртку и спустилась к ручью поискать место для второй стрелки. Снизу было видно, что вода за ночь ушла и открыла несколько ровных камней. Можно было перейти и проверить, как выглядит будущий обход оттуда, пока Тавер с Вельтом решают, куда девать таблички.

Вельта она учуяла уже за ручьём. С его одежды опять тянуло дымом, и Лаира подумала, что у него дома, должно быть, по утрам топят печь, хотя в поселении давно провели отопление. Он вышел к Таверу с плоской сумкой через плечо и спросил, зачем тому понадобилась вторая стрелка, если вчера он перенёс первую на сухое. Тавер показал на Лаиру. Та поманила их с

другого берега, и Вельт спустился первым. У корня он притормозил, нашёл глазами табличку и оглянулся на дозорного.

— Отсюда ничего не видно, — сказал он. — А вы чего мне вчера не сказали?

— Я вчера здесь была ниже тебя. Шла по следу и к стрелке вышла от воды, — сказала Лаира. — Давай поставим вторую у того раздвоенного ствола. Её оттуда и с коня заметят.

— Пойдём глянем. Ты потом пройдёшь обратно и скажешь, видно ли из-за орешника, — ответил Вельт. — Только в воду лезть больше незачем. Там правее сухо.

Он показал сухой переход и понёс табличку к стволу. Лаира прошла за ним, потом спустилась к повороту и вернулась, глядя себе под ноги. Белая стрелка мелькнула между ветвями ровно там, где ей следовало поднять глаза, чтобы выбрать дорогу. Она крикнула Вельту, что можно крепить. Тавер оставался у ели и смотрел, куда они направят стрелку. Он мог бы подойти и сам выбрать место, но дал им закончить, а потом прошёл по обоим подходам. Наконец Лаира услышала от него, что теперь здесь можно посылать смену. На обратном пути он обещал сказать альфе, что проезд выше ручья проверили.

Вельт забрал сумку и ушёл к посту. Они с Тавером ещё немного постояли у развилки, где можно было взять либо вверх к домам, либо вниз вдоль воды. Лаира думала, что пойдёт домой верхней тропой, и уже поворачивала туда, когда Тавер сказал, что внизу тоже можно проехать. Сарен вернулся от брода и видел, как белые закончили съезд. Теперь дозорным больше не придётся растаскивать машины на повороте и объяснять каждому, почему с одного берега можно спуститься, а с другого пока нельзя.

— Значит, до памятника теперь тоже проще добраться? — спросила Лаира. — Я про нижнюю дорогу, где ветками завалило.

— До памятника и раньше можно было дойти. Проехать там было трудно, — сказал Тавер. — Если соберёшься, верхом не лезь за поворот. Ты там на своих ногах-то еле прошла.

Лаира хотела напомнить, что тогда шла другим берегом, но Тавер уже двинулся по верхней тропе. Она догнала его у сосен и спросила, когда он в последний раз был у памятника. Оказалось, давно. В тот раз он ходил туда с отцом, когда у чёрных пропал старый пёс и его видели на белой стороне. Пса нашли за поворотом, где тот улёгся посреди дороги и отказывался идти домой, пока его не накормили. Лаира рассмеялась и тут же представила, как незнакомец у памятника убирает с дороги чужого пса. Сначала спокойно уговаривает, потом обнаруживает, что тот всё равно не пойдёт, и вот тут, наверное, наконец смеётся. Узнать бы, правильный ли у неё получился смех. Сам мужчина до того, как она ушла, так и не позволил ей его услышать.

С какой стати, вообще, она до сих пор об этом думает? Он старше неё, видит по долгу службы или по каким-то своим делам десятки волков и наверняка ни разу после встречи не вспоминал девчонку, которая пришла поспорить про мраморных зверей. Лаире совершенно незачем было краснеть оттого, что какой-то взрослый белый стоит у неё перед глазами так ясно, словно они только что разошлись. Тем более что тогда она и сама старалась сказать ему напоследок что-нибудь такое, после чего он успеет рассердиться, пока она спускается к реке. Она ведь могла просто назвать себя. Могла сама спросить, как его зовут, и теперь хотя бы не думала бы о нём как о мужчине, который на её вопрос про Илару остановился и всерьёз принялся вспоминать, что ему рассказывали.

У себя она сколько угодно могла спорить с Тавером о тропе и знать, что он подождёт, пока она найдёт свой след. У памятника от неё вообще никто не обязан был выслушивать ни слова. А незнакомец остался, хотя мог отправить её к реке сразу, как только догадался, из какой она стаи. Когда Лаира спросила, кто видел гибель Илары, он мог бы повторить то, что белые говорили всегда. Вместо этого сказал, что Илару нашли уже раненой. И теперь ей хотелось снова на него посмотреть, а если бы они заговорили, то, может быть, в этот раз ей удалось бы простоять рядом хотя бы минуту, не пытаясь его задеть. Хотя насчёт этого Лаира себе ничего не обещала.

У первого двора Тавер остановился поговорить с волком, который собирался вести лошадь к дальнему посту. Лаира попрощалась и пошла вдоль ограды, где можно было немного постоять на солнце. Она расстегнула куртку до конца и задела пальцем сгиб воротника. Тут же вспомнила вчерашний песок и белую шерсть, сбившуюся под её мордой. Вот и второй. Тот даже имени не спрашивал, а она сама перебралась к нему через воду. Одного белого ей хотелось застать у памятника, хотя после встречи с ним она полдня уверяла себя, что никогда туда больше не пойдёт. К другому хотелось просто прижаться, и за это вчерашнее желание она теперь расплачивалась тем, что даже рядом с отцом сидела застёгнутая до подбородка. Лаира сердито убрала руку от воротника. Что, Лаира, своих волков тебе мало?

До дома она дошла по краю поселения, откуда под деревьями ещё виднелся спуск к реке. Вчера в этот час она уже рассчитывала, какой дорогой уйдёт подальше от воды, а к вечеру знала, где оставит одежду. Сегодня опять хотелось представить, что будет, когда она выйдет к косе. Белый поднимется с песка. Если она даст волчице перекинуться у сосны, та сразу поймёт, где он, и побежит. Едва коснутся друг друга, Лаира снова решит, что у неё ещё полно времени подумать и что можно для начала ещё раз пробежать с ним от камней до травы. Она знала, как хорошо ей будет, и от этого было трудно всерьёз представлять, что именно она сделает потом.

У крыльца Лаира села на нижнюю ступеньку и вытерла с сапога глину сухой травой. Белый не мог спросить её, как она себя чувствует, когда они оба стояли в воде на четырёх лапах. Она тоже не могла спросить, видел ли он уже то, что она ему оставила, и о чём подумал, когда увидел. Ей хотелось знать хотя бы это. Даже если он ответит, что больше не придёт, ей нужно услышать его голос и понять, почему он так решил. Вчера за весь вечер они этого друг другу сказать не могли, хотя под конец стояли так близко, что у неё на щеке осталась его шерсть.

Лаира поднялась, вошла в дом и повесила куртку на крючок у двери. Обычно перед вечерним бегом она брала ту, которую легко снять на холоде и оставить у сосны, а потом уже не думала, в чём вернётся. Теперь она вытащила из кармана перчатки и отнесла в комнату вместе с тёплой курткой, в которой ходила утром. Если снова пойдёт на косу, то дойдёт до воды в сапогах. Там ей будет холодно стоять без движения, и, возможно, белый вообще не покажется. Но если он выйдет к ней, она останется на берегу и попросит его обернуться. Лаире уже хотелось узнать, каким голосом он ей ответит.

Глава 6

Брант добрался от навеса до ворот и потребовал, чтобы Марит вернул ему фонарь. Марит стоял у машины с фонарём в руке и смотрел на напарника так, словно тот уже успел стащить у него ключи и собирался ехать на обход. Дэйнар услышал их с крыльца, а когда вышел во двор, увидел, что Брант стоит посреди проезда, опираясь на палку. До ворот ему оставалось шагов пять. Конечно, именно там он решил, что ещё и фонарь ему нужен немедленно.

— Дойдёшь, получишь, — сказал Марит. — Только про лавку за воротами забудь. Мы договаривались до столба и обратно.

— У меня нога болит, а не рука. Дай сюда, я тебе покажу, почему запасной надо брать.

Марит положил фонарь на капот. Дэйнар спустился по ступеням и подошёл к машине, когда Брант принялся уговаривать напарника хотя бы включить его и потрясти. От крыльца до навеса обычно можно было дойти за полминуты. Брант сегодня прошёл через весь двор, и под курткой у него уже взмокла рубашка. По тому, как он ещё у ворот поставил палку поперёк прохода, Дэйнар понял, что возвращаться волк собирается тем же путём, без посторонней помощи.

— Самэр разрешил перепробовать все занятия, от которых болит нога? — спросил он. — Или при вас обоих фонарь теперь вообще нельзя трогать?

— Мне можно ходить по ровному, — сказал Брант. — А фонарь я с утра проверил. Видите, как он горит? Пусть Марит теперь стукнет им о ладонь.

Марит стукнул и поднял фонарь так, чтобы альфа видел свет. Луч погас, загорелся снова и опять пропал, когда Марит перевернул фонарь. Из тех, что висели у двери под навесом, этот был самым новым. Его принесли после первого же ночного обхода, а Дэйнар помнил, как Брант тогда похвалил широкую петлю, за которую фонарь удобно было вытаскивать из сумки в перчатках.

— Второй где? — спросил Дэйнар. — Тот, с синей ручкой.

— В ящике под сиденьем. Я его и хотел достать, — сказал Брант. — Марит решил, что мне полезнее гулять.

— Ты сам попросил пройти с тобой до ворот. А пока шли, успел решить, что я тебе мешаю, — отозвался Марит. — Иди сюда, раз столько сил спорить осталось. Я дверцу открою.

Брант двинулся к машине, и Марит сразу шагнул ему навстречу. Дэйнар видел, как тот по привычке подставляет плечо, и как Брант отодвигает палку, чтобы пройти мимо. Ещё чуть-чуть, и они опять сцепятся. У обоих был один и тот же недостаток. Если один из них падал, другой хватал его до того, как тот успевал решить, нужна ли ему помощь. На склоне это не раз выручало, а здесь Брант отдал бы фонарь вместе с машиной, лишь бы дойти до открытой дверцы самому.

— Марит, переставь машину к навесу. Здесь под колёсами грязь, — сказал Дэйнар. — А ты, Брант, решай, сколько ещё сегодня можешь сделать. За ящиком полезешь, когда машина будет на сухом.

Брант посмотрел туда, где под навесом стояла скамья, и Дэйнар уже приготовился услышать, что до неё он тоже как-нибудь дойдёт. Волк переставил палку и опёрся на неё обеими руками. От ворот тянуло с дороги, и даже с этого расстояния Дэйнар различил под запахом сухой кожи и шерсти горькую мазь Самэра. Брант наверняка тоже её чуял. Лекарь втирал мазь по утрам, и вчера дозорный жаловался, что дома, даже если забудут его запах, то по ней скоро научатся находить его даже с закрытыми глазами.

— Если он подаст мне ящик, всё разберу сидя, — сказал Брант. — До ужина управлюсь. Там в двух сумках половина вещей отсырела, а после обхода их опять сунут под сиденье.

— Хорошо. А когда разберёшь, своими ногами дойдёшь домой или тебя подвезти?

— Домой лучше подвезти. До ворот я уже сегодня нагулялся, — признал Брант. — Только Мариту не говорите, что я сам это попросил. Он подумает, что ему удалось меня воспитать.

Марит услышал. Он как раз забирался в машину и обернулся, чтобы сообщить, что никакого воспитания до ужина не предвидится, а после ужина у него смена. Дэйнар отошёл с дороги и дождался, пока машина встанет у навеса. Брант добрался до скамьи по настилу, присел и протянул руку за ящиком, а Марит поставил его рядом и занялся промокшими ремнями. Через минуту они уже обсуждали, кому вечером достанется сумка с целой застёжкой. Марит больше не поглядывал на больную ногу, а Брант, едва устроившись, поднял куртку с лавки, чтобы освободить место напарнику.

Дэйнар мог вернуться в дом, но остался у машины и подержал сумку, пока дозорные проверяли наружные карманы. В одном нашли перчатку, которую Марит успел записать на счёт верхних дворов, решив, что оставил её там. Брант вытряхнул перчатку на скамью и спросил, кто носил её в их сумке, пока Марит ходил по домам и обещал найти виноватого. Тот сказал, что до обещаний дело не дошло, но один волк теперь, пожалуй, точно вернёт ему две другие перчатки, которые честно собирался оставить себе. Дэйнар засмеялся. В иной день он сам сел бы с ними и просидел под навесом, пока дозорные не соберутся выходить. Сейчас ему было трудно стоять даже там, где из-за открытых ворот виднелась дорога вниз.

— Смену поведёшь как договорились, — сказал он Мариту. — Если возле памятника кто-нибудь задержится, дождись его у подъёма и выводи вместе с остальными.

— А вас после ужина дома искать? Если старейшина пришлёт своего волка раньше, я успею завести его к вам.

— После ужина выйду пробежаться. Если приедет раньше, знакомь его с Брантом. Он ему заодно покажет, где ваши фонари лежат.

Брант поднял синий фонарь и направил его Мариту на ботинки. Луч держался ровно, даже когда дозорный постучал по ручке. Дэйнар ушёл к дому, оставив их договариваться, в какой карман убрать запасные батарейки, чтобы вечером отыскать на ощупь. У самого крыльца он вспомнил, как ещё утром собирался весь день провести среди своих, а вечером придумать себе какое-нибудь дело наверху. Сначала съезд на броде, потом смена, потом разговор с тем, кого пришлёт Ромус. Все эти дела можно было найти, если постараться. Марит уже знал дорогу и прекрасно обошёлся бы без альфы.

Наверху Дэйнар вынул из шкафа сухую рубашку и положил её рядом с курткой. Вчера на обратном пути у реки он сунул руки в мокрые рукава и кое-как добрался до дома. Сегодня почему-то хотелось оставить себе возможность задержаться там после того, как обернётся обратно. Он добавил к рубашке пару сухих носков, а потом сел на край кровати и всерьёз спросил себя, зачем идёт. Он хотел увидеть, придёт ли чёрная волчица после вчерашнего. Хотел знать, как она, и чуть ли не до боли хотел, чтобы она опять подошла сама. По правде говоря, если бы ему удалось узнать это из дома, он всё равно пошёл бы к реке. Потому что шёл к истинной.

К вечеру о его прогулке знали Марит и Элина. Одному он сказал во дворе, вторая спросила сама, ждать ли его к чаю. Дэйнар ответил, что вернётся поздно, и застегнул куртку у двери. Рубашку он свернул вместе с остальными вещами, чтобы оставить на берегу под сухим выступом. Когда он вышел за ворота, ещё можно было свернуть вдоль домов и обежать весь склон до северной дороги. Он выбрал спуск к реке и впервые за эти дни прошёл мимо последнего двора, ни разу не попытавшись придумать, что будет проверять внизу.

***

Лаира едва успела отступить от крыльца, когда к сапогам подкатилось полено. Следом из-за угла показался Нив с охапкой дров и остановился так резко, что из охапки выпало второе. Рен пробежал мимо него к навесу, прижал к стене свою ношу и объявил, что принёс уже восемь.

Нив попробовал подобрать оба полена, чуть не выронил остальные и сердито посмотрел на Лаиру, словно это она стояла посреди двора и разбрасывала дрова под ноги.

— Скажи ему, что мои тоже считаются, — потребовал он. — Я их через весь двор тащил. Уронил вот тут, уже почти донёс!

— Считаются те, что под навесом, — сказал Рен. — Ты сам так говорил, когда у меня у двери одно выскользнуло. Теперь давай по своим правилам.

— Тогда то, что у двери, тоже забери. Оно до сих пор там лежит, и я его даже ногой не трогал!

Лаира поставила сапог на полено у крыльца, чтобы оно не укатилось с дорожки. Ивена утром просила ребят перенести дрова из-за дома под навес, где их можно было брать, не выходя на мокрую траву. Судя по куче у стены, до начала состязания они успели перетаскать едва ли треть. Зато на дорожке уже лежали щепки, а Нив ободрал ладонь и пытался вытереть её о штаны, продолжая держать дрова у груди.

— Клади, пока у тебя ещё есть что донести, — сказала Лаира. — А потом принесёшь и те, что уронил. Ногой их до навеса всё равно никто за тебя не докатит.

— А кому они пойдут? Мне или ему?

— Ивене. Она их в печь положит и ни у одного даже имени не спросит.

Рен прыснул, а Нив воспользовался тем, что брат отвлёкся, и побежал с остатками охапки. На повороте он задел плечом столб, но всё же донёс свою ношу до стены, прижал дрова коленом и очень старательно уложил их поверх тех, что принёс Рен. Лаира подобрала поленья у крыльца и отнесла следом. От свежих сколов пахло берёзой, на рукав куртки прилипла тонкая полоска коры. Она сняла её и только тогда вспомнила, что собиралась выйти через двор, пока никому не понадобилось спрашивать, куда она направляется так поздно.

Из дома за дровами вышла Ивена. Увидела, что под навесом выросла косая куча и верхнее полено уже съезжает, придержала его и велела обоим отойти. Братья разом начали объяснять, кто сколько принёс, а Ивена подождала, пока они выговорятся, и спросила, кто из них теперь сможет вытащить нижнее полено так, чтобы ему на сапоги сверху не обрушилось ещё восемь. Нив тут же протянул руку, но Ивена поймала его за рукав и отправила за щёткой.

— Щепу сметёшь ты, а Рен разберёт верх, — сказала она. — Если каждый сделает своё, ещё успеете домой до ужина.

— Мы успеем. Мама сама сказала, что сегодня поздно вернётся, — ответил Рен. — Можно мы сначала ещё раз до ворот сбегаем?

— Сначала я должна дойти от кухни до навеса и никого по дороге не переломить, — сказала Ивена. — Лаира, подержишь с этого края? Тебя Нив хотя бы послушает, когда вернётся со щёткой.

Лаира придержала верхнюю охапку, а Рен начал укладывать поленья вдоль стены. Ивена унесла в дом два сухих, которые выбрала себе на вечер. Когда Нив вернулся, Рен уже оставил ему место для щётки и показал, куда сметать кору. Лаира знала, что через пять минут братья забудут, кто сколько принёс, и найдут новый повод спорить. Оттого их ссоры и было приятно слушать. Можно вмешаться, можно дать им договориться самим, и к ужину оба всё равно окажутся за одним столом. Нив первым вымел щепу с дорожки и оглянулся на Лаиру.

— Ты с нами до ворот побежишь? Рен всё время раньше меня срывается. Я потом говорю, что так нечестно, а он уже там.

— Тогда он сегодня будет считать, — сказала Лаира. — Пусть попробует обогнать нас, если сам крикнет «три», мы услышим.

Рен согласился сразу и встал между ними у крыльца. Нив засунул ободранную ладонь в карман, чтобы брат не увидел, что ему больно, и заранее выдвинул один сапог на целую ступню вперёд. Лаира заметила это и промолчала. Рен досчитал до двух, успел набрать воздух для третьего числа, и Нив уже рванул по двору. Рен бросился за ним, возмущённо заорал, а Лаира

догнала обоих у дровяного навеса, где дорожка поворачивала. Нив взял поворот широко, и она могла проскочить перед ним, но дала ему место и прибавила шаг, только когда они опять оказались рядом.

До ворот оставалось несколько метров, и в этот миг Лаире захотелось бежать дальше, по улице вдоль оград, через полосу сухой травы и вверх до елей, где можно поднырнуть под низкую ветку и услышать, как кто-нибудь за тобой отстанет. Она добежала с Нивом плечом к плечу и ухватилась за верхнюю доску ворот, чтобы не выскочить вслед за ним. Нив ухватился за соседнюю и оглянулся на Рена. Волосы у него взмокли на висках, а глаза блестели от радости, потому что только сегодня старший брат ни за что на свете не мог сказать, что пришёл первым.

— Ты до трёх не досчитал, — сказал Нив, едва переводя дыхание. — Вот чего мы должны были ждать, если тебя всё равно не слышно?

— Меня на том конце леса было слышно. Лаира, скажи ему, что он раньше побежал!

— Раньше, — согласилась Лаира. — А всё равно я его чуть не обогнала. Теперь хочу посмотреть, как он из этого выпутается.

Нив засмеялся и полез открывать калитку. За воротами братья свернули к своему двору, успев договориться, что завтра начнут с места, где кончается дорожка. Лаира осталась у ограды, пока дыхание не стало ровным. Как же ей давно хотелось бежать так, чтобы вовсе не думать, куда прибежит. Даже волчица поднялась легко, от одного звука торопливых шагов рядом, и теперь Лаира могла дать ей ещё пробежаться или спокойно отправиться туда, куда собиралась. Ноги слушались. Она чуть улыбнулась тому, до чего важной вдруг стала такая простая вещь, и вышла за калитку.

За последними дворами пахло сосновыми почками и подсохшей хвоей. Лаира сунула руки в карманы и пошла по дороге, которую выбрала ещё днём. Слева от неё стояла сосна, под которой она обычно оставляла одежду. Хорошее место: со стороны тропы корней почти не видно, а даже в дождь под ними остаётся сухо. Она знала, как сегодня положила бы куртку, чтобы та не отсырела, и уже хотела остановиться, хотя до воды можно было спуститься и в сапогах. Пришлось пройти мимо сосны, слыша, как по камням за спиной покатилась задетая подошвой шишка.

На спуске ей достался ветер с гор. Куртка у шеи пропускала его с одной стороны, и Лаира застегнулась повыше. За весь день она успела придумать десяток способов начать разговор. Самый разумный был спросить, видит ли он у себя метку, а потом дать ему высказаться. Самый честный начинался с того, что она собиралась уйти от него и не смогла. Если он станет смеяться, она развернётся и уйдёт. Эту часть воображаемого разговора Лаира знала особенно хорошо, хотя белый ни разу не сделал ничего такого, за что ей сейчас хотелось бы заранее рассердиться. Даже когда она уходила с косы, он остался у воды и дал ей уйти самой.

Со склона она увидела белого раньше, чем открылась вся коса. Он стоял на широком камне, подняв морду к её берегу, и с того места прекрасно мог заметить её между елями. Лаира остановилась, держа руку на сухой ветке, чтобы не съехать с крутого места. Зверя она узнала сразу, по светлой спине и тому, как он расставил передние лапы, когда повернулся к ней. Всё, что она придумала по дороге, разом перестало годиться. Теперь хотелось только сойти к воде и потрогать его рукой, даже если он так и останется волком.

Лаира выбрала пологий спуск и дошла до края рукава. На вчерашних камнях вода оставляла мокрые полосы, а между двумя крайними ещё можно было увидеть песок на дне. Она знала, куда ступить. В сапогах перебралась бы без особого труда и, пока белый разглядывает её, успела бы встать рядом. Она даже подняла ногу, примериваясь к первому камню, и поставила её обратно на берег. Он ведь мог сам к ней подойти. Она пришла сюда именно затем, чтобы у обоих была возможность решить, как близко они готовы оказаться.

Белый спустился с камня и остановился у воды. Лаира видела его глаза и понимала, что он её давно заметил, но сколько времени так можно простоять, если ему ничего не сказать? Она

достала руки из карманов и почувствовала, как пальцы мёрзнут на ветру. До сих пор ей казалось, что, оказавшись здесь человеком, она сможет, наконец, рассказать ему всё без спешки. Сейчас не получалось даже его окликнуть. Как позвать волка, если не знаешь имени и всю дорогу обращалась к нему в мыслях «ты»?

— Эй, белый! Я с тобой поговорить пришла, — крикнула Лаира, и, когда он вскинул голову, ей стало чуть легче. — Обернёшься? Я подожду здесь.

Он стоял там же, где она застала его у воды, и смотрел прямо на неё. Лаира успела подумать, что ей всё-таки стоило объяснить, зачем она пришла, хотя тогда пришлось бы через весь рукав говорить про метку. Белый переступил лапами и развернулся к дальнему краю косы. Сначала он шёл, и в этом ещё можно было усмотреть что угодно. Потом прибавил ходу, перескочил через принесённую рекой ветку и скрылся за камнями на другой стороне.

Лаира постояла у воды, глядя туда, где только что видела его спину. Она сказала, что подождёт, и успела об этом пожалеть. Вот же дура! Могла оставить ему хоть какой-нибудь выход, кроме как обернуться по её просьбе или уйти у неё на глазах. Может, он вчера пришёл домой, увидел у себя на шее то же, что и она, и теперь хотел одного: чтобы никто больше об этом с ним не заговорил. А она вышла из леса и первым делом потребовала разговора, словно он был обязан согласиться только потому, что она тащилась сюда.

Она отошла от воды на сухие камешки, где меньше дуло, и сунула пальцы под рукава. Он мог уйти за одеждой. Лаира сама прошла сегодня мимо сосны, потому что оставлять вещи не собиралась, и всё равно ей понадобилось несколько мгновений, чтобы об этом подумать. С берега было не видно, куда он побежал. Если собирался вернуться сюда человеком, ему предстояло обратиться, одеться и снова перебраться на косу. Лаира пообещала себе дать ему на это время и осталась у кромки воды, хотя уже знала, что вряд ли уйдёт, пока ещё может различить хоть что-то на том берегу.

***

Голос Дэйнар узнал, когда она сказала «белый». У памятника девушка тем же голосом спросила его, видел ли хоть кто-нибудь, как Рэйдан убил Илару. Тогда у неё на щеке была свежая царапина, а на лоб падала выбившаяся из косы прядь. Сейчас волосы она распустила, и воротник закрывал ей шею до подбородка. Дэйнар стоял на косе и никак не мог понять, что она здесь делает. Мимо памятника она сегодня не проходила. Со своего берега направилась прямиком сюда и даже не посмотрела на тропу, по которой обычно шёл дозор. Кого она ждала у воды?

Он оглянулся на камни за спиной. За ними с другой стороны никого не было, и оттуда, с его берега, тоже не доносилось шагов. Незнакомка оставалась у самого рукава. Она могла окликнуть ещё кого-нибудь или показать рукой за его плечо, но смотрела на него и ждала, как ждала ответа тогда, у памятника. Дэйнар уже слышал её слова, все до одного. «Обернёшься? Я подожду здесь». В первый миг у него даже возникла нелепая мысль, что она видела, как он спускался к реке человеком. А потом она переступила с ноги на ногу у первого камня, того самого, где вчера чёрная отряхнула лапу, прежде чем прыгнуть к нему.

Дэйнар присмотрелся к её сапогам. Ничего в них такого не было, и ему самому стало досадно, что он смотрит вниз, словно по обуви можно узнать, обращалась ли она вчера на берегу. Она пришла к нему. Знала, где искать белого, просила его обернуться и говорила с ним с той стороны рукава, откуда чёрная уже дважды на него смотрела. Ветер дул ему в спину, и Дэйнар не мог даже принюхаться как следует. Пахло водой и песком, оставшимся у него на лапах. До девушки было несколько прыжков. Ему хотелось одним махом оказаться с ней рядом и всё-таки выяснить, кого она звала, прежде чем сделать ещё хоть шаг.

Она чуть отодвинулась от воды и перестала говорить. Дэйнар вспомнил, что оставил одежду под выступом на своём берегу. Он ещё мог пройти через рукав, остановиться у её ног и посмотреть, что она станет делать. Чёрная вчера сама прижалась к нему после бега, и его

волку сейчас было совершенно безразлично, что на ней сапоги, а на нём нет одежды. Дэйнар развернулся и пошёл к дальнему краю косы, пока ещё мог выбрать направление. На песке ему хотелось оглянуться. Он не знал, покажется ли ей, что уходит совсем, а подать знак, который она бы наверняка поняла, не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.